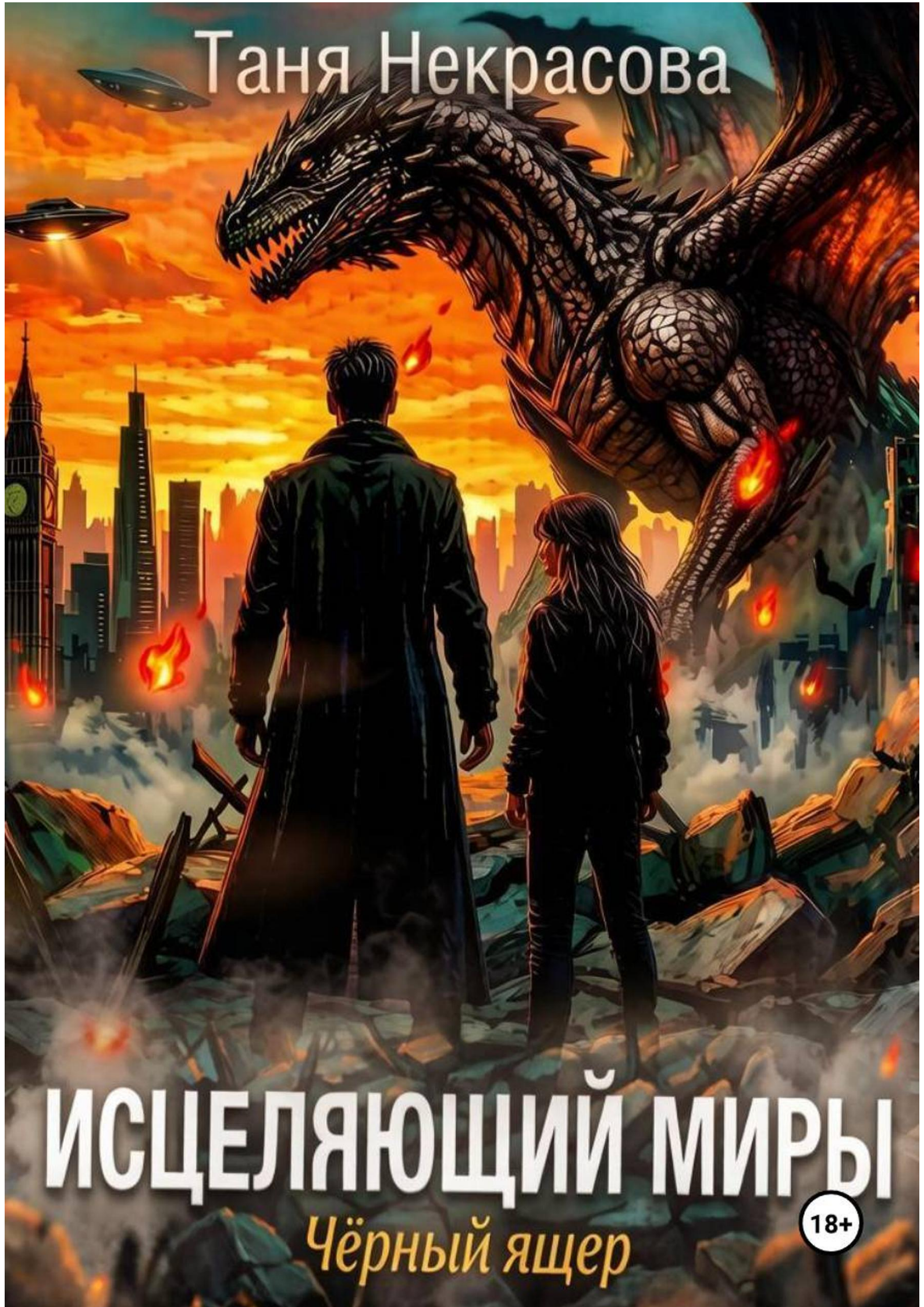

The illustration depicts a dramatic scene where a man in a long black coat and a woman stand on a rocky, debris-strewn ground, looking up at a massive, scaly dragon with glowing orange eyes and wings. The dragon's wings are partially on fire. In the background, a city skyline is visible under a fiery orange and yellow sky, with several flying saucers hovering above. The overall tone is apocalyptic and fantastical.

Таня Некрасова

ИСЦЕЛЯЮЩИЙ МИРЫ

Чёрный ящер

18+

Таня Некрасова

Исцеляющий миры. Черный ящер

«Автор»

2026

Некрасова Т.

Исцеляющий миры. Черный ящер / Т. Некрасова — «Автор»,
2026

«Забавно, что я почувствовал себя человеком, лишь начав общаться с пришельцем». С тех пор как человечество впервые столкнулось с инопланетными цивилизациями, в тихом британском городке Станвелле стало беспокойно. Пока его жители пытаются узнать правду о том, что произошло в ночь на тринадцатое июня, Эдвард Лэйд пытается жить свою обычную жизнь студента-неудачника. Но, в отличие от большинства, получается у него неважно. И есть на то причины. Его лучший друг — бывший космический пират, а соседка, в которую он давно и безответно влюблен, держит дома инопланетного зверька и предсказывает будущее на картах. Волей-неволей Эдварду придется привыкнуть к новому окружению, чтобы расследовать несколько мистических дел и спасти от рук похитителя популярную рок-звезду, приехавшую в город со своим музыкальным туром.

© Некрасова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Жизнь на Земле	8
Глава 2. Неудачник	12
Глава 3. Расследование	18
Глава 4. Городской воришка	23
Глава 5. Особняк Мэллоу	27
Глава 6. Преследование	33
Глава 7. Полтергейст	37
Глава 8. Вина	40
Глава 9. Соседка	43
Глава 10. Бродячий пес	47
Глава 11. Дело о застывшем коте и призраке	51
Глава 12. Потраченное время	56
Глава 13. Гроза	61
Глава 14. Круглосуточный магазин	66
Глава 15. Хорошие случайности	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Таня Некрасова

Исцеляющий миры. Черный ящер

Пролог

Станвелл распевался утренними нотами, расцветал этюдами нового дня, и сияние госпожи Венеры потихоньку размывали белила горизонта. Британия сбрасывала с себя остатки сна, и шум утренней суеты приобретал явственность.

Терпкий аромат трав выпрыгивал с подносов улыбчивых официантов в строгой черно-белой форме, разносился между столиками китайского чайного домика с вывеской, имитирующей восточную письменность — «Красный дракон». В соответствии с названием — в интерьере ресторана преобладали оттенки красного, а на флажках, растянутых под потолком, этот мифический зверь грозно раздувал ноздри.

Обрюзгший мужчина с зачесанными назад волосами зашел в заведение и устало плюхнулся за стол, подозревая жестом обслуживающий персонал. Ожидая, он подпер ладонью голову и распахнул книжку меню, неразборчиво обхаживая глазами гладкие странички с нереалистично яркими изображениями блюд.

Через мгновение к нему подошёл официант. Это был высокий молодой человек, который мог бы выглядеть ещё выше, если бы не сутулился. Со стороны он смотрелся так, будто ему было тесно в собственном теле. Его ум, явно, распирали бранные мысли, однако, должность обязывала к вежливому общению с клиентами, и он пробурчал:

— Чего изволите?

Посетитель поднял взгляд и не удержался от смешка. Нелепый вид официанта развеселил его: растрепанные волосы, густо закрывающие лоб, темные очки под ними, плотно сидящие на носу, словно у секретного агента какого-нибудь дурацкого боевика. Но больше всего мужчину позабавили кожаные перчатки, которые тот беспрерывно подтягивал, будто боясь, что если они соскочат — настанет конец света.

— Что-то не так? — огрызнулся официант, уткнувшись в блокнот с заказами. Он агрессивно буравил шариковой ручкой лист бумаги, пока та не протекла, запачкав неподвернутые рукава синими чернилами.

Посетитель залился издевательским хохотом, обратив на себя взоры всего заведения. Люди начали шептаться и мерзко хихикать, отчего молодой человек громко заскрипел зубами.

— Что... — глубоко вздохнул он и ещё раз повторил свою заученную фразу, — будете заказывать?

Мужчина отдышался, вытер слёзы и, наконец, объявил:

— Самого лучшего вина, пожалуйста!

Официант стряхнул тыльной стороной запястья налипшие волосы: кондиционер сломался, и пар горячих напитков нагревал воздух, оставляя на языке сладковатый привкус пряностей.

— Простите, сэр... У нас не подают алкоголь. Вам название «Семейный ресторан» ни о чем не говорит?

— Что ж, в таком случае... — продолжал некультурно щериться посетитель, — я буду зеленый чай. С сахаром.

Молодой человек кивнул и удалился, шаркая ногами. Даже в своих движениях он был смешон: зажат и непоследователен, словно человек, пробирающийся через пыльный подвал, обжитый грязными крысами и тараканами. Он шаркался от нарушающих его личное про-

странство фигур — не в страхе, но в отвращении, как будто они могли заразить его смертельным недугом.

Когда официант вернулся, на его подносе стояла аккуратная чашечка с дымящимся напитком. Посетитель понюхал чай и, не попробовав, наигранно поморщился:

— Ваш чай воняет, как помои! Заберите назад и принесите мне нормальный чай!

Молодой человек раздраженно хмыкнул:

— Мы не меняем заказы!

— Правда, что ли? А позови-ка сюда администратора! Давай же, живее!

Официант подцепил пальцами чашку со стола и оценивающе отхлебнул:

— Нормальный чай!

— Да как ты смеешь пить мой чай! — Мужчина ошеломленно ударил кулаком по столу и нарочито опрокинул вазу с топиари. — Администратор! — раздирал он горло. — Ваш криворукий официант разбил вазу и испортил мой напиток!

Миниатюрная женщина с пучком редких волос озадаченно прискакала к столику и извиняющим тоном пропищала:

— Простите за неудобства, сэр, этого больше не повторится. Мы принесем вам новый чай. За счёт заведения. Гордон, попроси прощения!

Официант, названный Гордоном, выпустил из своих лёгких скрипучий звук и беспардонно стянул галстук-бабочку.

— Да, — расплылся он в хитрой улыбке и лениво потер шею, — конечно, мне очень жаль... *Очень жаль, что чай остыл и уже не обожжёт ваше уродливое подобие лица так сильно, как мне бы того хотелось!*

Чашка вновь попала в его руки, перевернулась и опорожнилась над головой мужчины.

— Спасибо за заказ. Приходите ещё! — Официант незаинтересованно развернулся.

— А ну стоять! — вылетел посетитель из-за стола и отпихнул в сторону женщину-администратора, которую сам же позвал. — Тебе жить надоело?

Липкая жидкость стекала с выдающегося подбородка, въедаясь в брендовую рубашу отвратительным пятном.

Он вдруг зарычал и замахнулся на Гордона кулаком. Официант ловко увернулся, из-за чего нарушитель спокойствия неказисто распластался на соседнем столике, раздавив своей тушей чужую еду и напитки. Эта выходка привела мужчину в ещё большую ярость. Он выхватил уцелевшее блюдо из-под чьего-то недоеденного десерта и запустил им в дерзкого официанта. Однако Гордон вновь проявил нечеловеческую изворотливость. Посуда просвистела над головой испуганной женщины-администратора, побежавшей за охраной, и, продырявив светильник в виде бумажного фонарика, шумно разбилась об арку.

Мужчина покрылся красными пятнами и в гневе опрокинул на официанта стол. Следом в полёт отправился стул. Гордон отпрыгнул назад, но в попытке уклониться от предмета мебели — поскользнулся на разбрызганном по полу сладком чае. Те из посетителей, кто ещё не разбежался, толпились на безопасном расстоянии. Станный официант завладел их вниманием.

Улучив момент, мужчина запрыгнул на молодого человека и с неистовыми воплями влепил мощный удар в челюсть. Они вместе упали между столиков, но Гордон лишь залиvisto рассмеялся, не оказывая никакого сопротивления. Что же посетитель — тот вдруг вытянулся и обмяк. Подождите-ка... Кажется, он захрапел!

— Надеюсь, я не перепутал вещество. — Гордон сбросил с себя тело, отряхнулся и утомленно зевнул.

— Гордон Уильямс, ты уволен! — смерила его суровым взглядом администратор.

— О, славно! — Молодой человек встал на ноги и под всеобщие возгласы покинул заведение, громко хлопнув дверью. Китайские колокольчики мелодично зазвенели, рассеивая его диковатую ауру.

Администратор подсчитала в уме ущерб разгрома, учиненного Гордоном Уильямсом, и взбешённо топнула ногой:

— Чёрт возьми, Эдвард, что у тебя вообще за приятели такие?

Глава 1. Жизнь на Земле

Днями ранее...

К очередному летнему дню в Станвелле Ацель тщательно готовился в ванной. У него не было никаких планов, не назревало никаких важных дел, кроме как очистить пространство человеческой квартиры, в которой он поселился, от вчерашней пыли, и окружить себя ароматами чистоты. Дорвавшись до благ цивилизации после долгого скитания по грязным планетам, он слегка перебарщивал со своим чистоплюйством. Но Эдвард, предоставивший ему обитель, не имел слова против. Сам юноша не всегда располагал временем на уборку из-за учебы в колледже и подработки в музыкальном магазине. Круглые сутки следить за пришельцем у него тоже не было возможности. Ацель чем-то занят, и это - хорошо: меньше будет посматривать в сторону неприятностей. Ведь, как известно, все беды от безделья.

Ацель напевал под нос веселую песню и красовался перед зеркалом, распыляя лак и взбивая черные как уголь волосы руками, облаченными в скрипучие кожаные перчатки. Это был высокотехнологичный инструмент, который маскировал его специфический для земного глаза сондэсианский облик под лицеприятный человеческий. Но даже наедине с собой, как сейчас, пришелец не всегда имел смелость смотреть на себя настоящего. Парадокс заключался в том, что, пылая яркой антипатией к человечеству, для которого истинный он представлялся монстром, Ацель, при этом, не сильно расходился в своем мнении с людьми. За свои долгие годы странствий по планетам, он так привык сравнению с чудовищем, что, наверное, в какой-то момент сам увидел его в себе. И хотя случай был запущенный, предавать огласке свой комплекс пришелец, разумеется, не стал бы, и никто бы никогда не узнал, что его снобизм — это всего лишь затянувшаяся игра. Не узнал бы... не случись с ним... Эдвард. Этот юный парнишка уже дважды разгадал его — когда понял, что он не человек и когда догадался, что Ацель страдает отвращением не только к целому миру, но и к самому себе как его неотъемлемой части. Просто дыра оказался прозорливее многих. Кто бы мог подумать...

Облачившись в чистую белую рубашку, с которой еще не выветрился свежий запах порошка, Ацель вымыл перчатки до блеска, перекрыл кран и на секунду заколебался. Это все, конечно, здорово, но руки тоже не мешает помыть! Вода снова зажурчала, так и крича голосом Эдварда: «Дружище, а нельзя ли поэкомнее?» Но Ацель все стоял, таранился на свое побледневшее лицо в отражении и никак не решался снять перчатки. Обычно при подобной надобности, он спасался тем, что отводил взгляд от зеркала, стараясь не заикливаться на том чешуйчатом уроде, выглядывающим из него. Но в этот раз ему было важно хорошенько рассмотреть свою рептилоидную физиономию, чтобы не упустить проявление генетических метаморфоз в своей внешности. «Твое ДНК переписывается». Так сказала девочка с цепями. Исцеляющий миры? Так же она себя нарекла?

И что вообще это должно значить?

Ацель не чувствовал в себе изменений, за исключением редких приступов жара и слабости, быстро проходящих и не оставляющих никаких симптомов.

Избавившись от перчаток, ящер с ненавистью уставился в зеркало. Он неосознанно покривился, оценивая свои заостренные уши, повертел головой влево-вправо, обнажил перед отражением черные десны и белые клыки. Все как всегда. Длинный лоснящийся хвост раздраженно хлестнул кончиком, с грохотом смахнув в ванну шампунь, который Ацель еще не убрал после использования, и призвав собирающегося на учебу Эдварда.

— Ацель! — постучал тот в дверь...

Наскоро возвратив себе человеческое обличие, пришелец выглянул в коридор.

— Уже выхожу!

— Мне кажется, или я слышал, как ты напеваешь новый сингл Мии Донсон? — иронично улыбнулся Эдвард.

Ему было всего шестнадцать, но из-за низкого роста его, зачастую, принимали за учащегося средней школы. Синий студенческий жилет, в который он сейчас был одет, тоже возраста не прибавлял. Вообще форма местного колледжа Эдварду не симпатизировала. Ему было комфортнее в широких кофтах, худи, в штанах с заклепками и браслетами на запястьях. И хотя он всерьёз причислял себя к «панкам» и всяким там «рокерам», в нем напрочь отсутствовала черта характера, отвечающая за «крутость». И ни игра на гитаре, ни длинные волосы не помогали компенсировать ее отсутствие.

— Вот именно, что послышалось.

— Я узнаю эту песню из тысячи!

— Ну ладно, твоя взяла! — Ацель встал в отстраненную позу: — Эта отвратительная мелодия играет из всех щелей. Сама как-то заела в голове.

— Да-да, так оно обычно и бывает. Сначала ты ругаешь песню за прилипчивость, а потом твоя стена вся заклеена плакатами. Со мной было также, когда я стал фанатом «Go-go, Furry!»

Эдвард тыкал себя в грудь, довольный, что пришелец попался под чары его любимой музыкальной группы. Ацель же терпел и закатывал глаза под черными очками.

— Постой-ка, чем это от тебя пахнет? — Эдвард изменился в лице.

Ацель принялся, и его осенило, о чем идет речь.

— А-а, это лак для волос. Знаю, запах резковат, зато хорошо держит укладку! Что скажешь? Как я выгляжу? — попозировал он, ожидая восхищений.

Эдвард только теперь заметил его новую прическу.

— Сног... шибательно, — произнес он, но не тем тоном, каким преподносят хвалебные оды (а ведь Ацель на них так надеялся).

— Что? — Пришелец тоже сделался хмурым. — Что не так?

— Ты? — Эдвард округлил бровь. — Спрашиваешь меня... что не так? — Он прошел мимо Ацеля в ванну и взял с полки лак для укладки волос. — У меня не было лака для волос.

— Ну да. Поэтому я купил его.

Эдвард мрачно кашлянул.

— Кхм, ты брал мою наличку?

— Нет, — честно признался тот. — Я ее не нашел. Я брал твою карту.

— Ты что???

— Я положил ее обратно в твою сумку, не волнуйся.

Эдвард залез в приложение банка на телефоне (который, к слову, был у него только благодаря щедрости тёти Молл, ведь его прошлый смартфон был принесён Ацелем в жертву мутанту), чтобы проверить транзакции, и к ужасу обнаружил, что это была не единственная нагло-спонтанная покупка пришельца.

— Когда ты успел?.. И почему мне не пришли смс-оповещения?

Ацель резал правдой как ножом:

— Чтобы между нами не было этого разговора. Да ладно тебе, друг, — перешел он в режим подхалима, — это всего лишь лак для волос...

— Всего лишь лак??? Почти пятьдесят фунтов! Ты потратил почти пятьдесят фунтов! На что?

— Думал, ты не заметишь.

— Не замечу, что у меня с карты списали треть моей зарплаты?

Ацель бессовестно пожимал плечами.

— Для этого я и отключил оповещения.

Понимая, что такой ответ не прокатит, Ацель вздохнул и прибегнул к другому методу, всегда безотказно работающему на Эдварде. Он стал давить на жалость:

— Представь, каково мне на чужой планете. У меня нет ничего, кроме заношенного пальто... Мне нужны были предметы первой необходимости для выживания на этой планете...

— Ну да, без лака для волос ты бы, наверняка, умер.

Безотрадно пошутив, Эдвард поставил злосчастный лак на место, сложил руки и закрыл глаза. На его переносице отпечатался темный след от напряженных дум, наводнивших его голову.

— Я тут на днях прикинул наш бюджет... В общем... Со своей зарплатой я не потяну нас двоих... Короче... — Эдвард вызывающе кашлянул в кулак, зная, что собирается озвучить то, что Ацелю точно не придется по нраву, и... покраснел от гнева. Этот наглец воспользовался его прелюдией к главному объявлению и умотал вниз по лестнице. — Эй! Нельзя убегать, когда с тобой говорят!

Эдвард сперва хотел бежать за ним, но по итогу только дернулся и налег сверху на перила в слабой надежде докричаться до пришельца.

Ацель упал на диван, который служил ему еще и кроватью, и накрылся газетой, делая вид, что читает. В действительности его глаза просто бегали туда-сюда, ища спасение от рассерженного юноши, который хотел навязать ему очевидное суждение.

— Имей хоть каплю уважения! — возмущался Эдвард. — Я разрешил тебе жить в своей квартире бесплатно. Бесплатно! — сделал он акцент. — Просто... выслушай меня...

— Я знаю, что ты скажешь, — пробурчал Ацель из-за газеты.

— Тем лучше. Значит, мое предложение для тебя не будет ударом. Ты... — Эдвард важно подбочился. — Должен найти работу.

— О, если это предложение, то я могу его отвергнуть, не так ли? — Ацель показал кривую улыбку.

— Настояние, — поправился Эдвард, пораздумав.

— М, настояния можно послушаться...

— Приказ!

Ацель изверг гортанный смешок и вновь отгородился газетой, но уже смелее.

— Дети не могут приказывать взрослым, — заявил он и забросил ногу на ногу.

Эдвард многое мог стерпеть, но не когда его обзывают ребенком.

Так! Спокойно. Увещевал он себя. Ацель хорош в словесных перепалках, он знает, как и что ляпнуть, чтобы у собеседника земля разверзлась под ногами. Нельзя терять самообладание!

— Ты сам выбрал жизнь на Земле, так будь добр жить, как человек!

— Не хочу.

Эдвард вырвал газету из перчаток Ацеля, чтобы взглянуть в его бесстыжие глаза, но за темными очками, которые тот снимал лишь ночью, когда спал, их все равно было не видеть.

— Я тоже не хочу.

Ацель в немом удивлении вскинул черные острые брови.

— Да. И не смотри на меня так. Мне тоже не по душе пять раз в неделю вставать ни свет ни заря, чтобы успеть на первую пару в колледж, а потом чесать в музыкальный магазин и улыбаться посетителям, как дурак, лишь бы продать что-то! Я не могу позволить себе бездельничать. Прости, но это называется жизнь на Земле, Ацель. — Эдвард умолк, чтобы отдышаться и посмотреть на реакцию пришельца. Тот выглядел внемлющим и бледным. То, что надо!

Он продолжал:

— Ты любишь вкусно поесть. Ты любишь принимать ванну. Ты любишь выглядеть хорошо. Еда и мыло... вода... это все стоит денег, Ацель! Ты же космический пират, в конце концов, тебе должно быть известно, что редко какие блага в нашем мире достаются задаром...

Ацель надулся и отвернулся лицом к спинке дивана. Это был хороший знак, повествующий о том, что у него начала просыпаться совесть.

Эдвард глянул на время, вздохнул о том, что пора уходить, и сказал примирительно:

— Не пойми не правильно, мне не жалко покупать тебе еду и какие-то вещи, но, если так и дальше пойдет... нам просто нечем будет платить за жилье и мы с тобой окажемся на улице.

— А твоя тетя... — подал голос пришелец. — Ты же сам говорил, что у нее своей ресторанный бизнес...

— Да. А еще я говорил, что моя тетя уже и так платит за мою учебу. У нее маленький ребенок, которого надо поднять на ноги. Ты хоть знаешь, как быстро растут дети? И сколько финансовых расходов требуют их нужды? В общем, — подытожил Эдвард, — хочешь ты того или нет, но тебе придется подумать о том, чтобы найти работу.

После его слов Ацель действительно подумал, но немного о другом.

— Меня никуда не возьмут. У меня нет документов.

Эдвард напряг мозги и, кажется, нашёл лазейку.

— У меня есть одна мысль, — улыбнулся он своей идее.

Ацелю его просветленное лицо не понравилось. А после последней фразы его и вовсе покорило.

— Раз уж речь зашла о моей тете...

Глава 2. Неудачник

Ещё этой весной Станвелл был богом забытым городком, который мог привлечь туристов только сосновым парком и дешёвым жильём. Но после июньских событий достопримечательностей здесь поприбавилось. Первым делом, конечно же, прославился Уиллоубрук — лесной массив, вокруг которого и раздули всю шумиху про инопланетян. Именно там обнаружили два космических корабля, а позже гремели взрывы и кружили вертолёты. Однако вскоре, чтобы не наводить панику, дело осторожно замяли, а ранее обнародованные новостные материалы опровергли и замаскировали под «череду терактов» незатыкающимися устами официальных источников СМИ, под чьим натиском любая истина вытеснялась, как красота цветка под грязным оползнем. Но дабы народ не решил, что их принимают за дураков, часть правды пришлось сохранить. По новой легенде космические корабли не падали на землю вовсе, но инопланетный монстр, напугавший округу, действительно существовал. Его описывали как неразумное звероподобное создание, попавшее на планету вместе с космическим мусором в ночь тринадцатого июня. Само собой разумеется, он был успешно схвачен бравыми военными силами Великобритании и отправлен в лабораторию для дальнейшего изучения, потому больше не представляет опасности для мирных жителей.

Так интерес англичан к событию остался, но их уровень спокойствия значительно вырос.

И хотя мнение одного не имело места быть в этом политическом сценарии, каждый рассуждал своим взглядом на вещи. Люди открывали тематические пабы, использовали словосочетания «пришельцы» и «вторжение» в названиях для популяризации брендов, примеряли на себя образ инопланетного гостя и плодили подкасты и ролики в интернете с теориями заговора.

Эдвард остановился напротив доски объявлений и задумчиво сорвал цветную брошюру. «Вы уверены в том, что среди ваших родных и знакомых нет инопланетян? Гадалка Бенинья откроет вам глаза», — прочитал он вслух и глупо улыбнулся. Он уже дружил с одним пришельцем, и эта странная дружба его вполне устраивала. Ну, за исключением убытков, которые влекло соседство с тем под одной крышей ...

У Эдварда больше не было близких людей. Может быть, только Лили Молл — старшая сестра его матери. Эта добрая женщина помогла ему освоиться в Станвелле, а теперь еще и пристроить на должность официанта в свой ресторан этого бестолоча Ацеля. Не всякий согласится трудоустроиться к себе человека без документов. Интересно, как он там? Справляется? Хочется надеяться, он никому не нагрубил.

Порою, Эдвард задумывался над тем, сколько времени требуется, чтобы сделать из пришельца и космического бандита законопослушного человека и гражданина Великобритании. Несмотря на их крепкую дружбу и путь исправления, на который Ацель послушно встал, юноша переживал о его дурных привычках. Ацель мог впасть в беспричинную ярость, а потом залечь на дно с тяжёлой депрессией, закрывшись на три дня в комнате без еды и воды. Причем это всегда была спальня Эдварда! Ещё одна вещь, которая могла смутить, состояла в том, что пришелец жил в его съемной квартире с таким своеволием, будто иначе и быть не могло.

Эдвард не спеша направился к парковке, запрятав руки в спортивную синюю куртку. Он почти не поднимал ноги, отчего его кеды быстро изнашивались. Наверное, это немного безвкусно носить под брюки и жилет спортивную обувь, но Эдвард не принимал альтернатив. Он уже тысячу лет не надевал туфли, у него дома их просто не было!

Сегодняшний день не задался. Сначала Эдварда выставили из музыкальной группы, а потом испачкали его сумку кленовым сиропом. Якобы не нарочно. Но это же лишь самовну-

шение, так? Это все дело рук того новенького, который перевелся к ним под конец года... Как же его звали?.. Джейкоб Анистер, кажется.. Да уж, он звезда, ничего не скажешь...

Эдвард даже получил от него извинения, пусть в форме ехидной и неискренней. Но это лучше, чем ничего.

После купаний в унитазе, которые устраивали ему одноклассники, кленовый сироп — это такая мелочь. И почти не обидно. Почти.

Эдвард потратил около часа, оттирая пятно со штанов в уборной колледжа, но горьковато-сладкий запах настырно не отступал. Он облаком сидело у него на плече, словно чертик.

В невеселой задумчивости, Эдвард завернул в переулок, в котором почти всегда стойко держались тени, за исключением тех коротких часов, когда солнце пламенело в зените. Последний прямоугольник жёлтого пятна затягивали постройки, сообщая о том, что время уже перевалило за полдень. Он вздохнул. Сейчас его бывшие коллеги репетировали «Every Rose Has its Thorn» для студенческого фестиваля, что состоится в конце июля в день закрытия очередного учебного года. Эта песня многое значила для Эдварда. Он самолично участвовал в выборе композиции — один из немногих случаев, когда жизнь предоставила ему выбор. Однако в последний момент они нашли ему замену. Да, вот что действительно обидно! А кленовый сироп на штанах — ерунда!

Эдвард гулко вздохнул. Нет, не стоит унывать! Во всем есть плюсы. И плюс его ухода из группы заключается в том, что теперь у него будет время, чтобы отдохнуть перед вечерней сменой в музыкальном магазине. Эдвард прошел несколько шагов и оглянулся — ему почудилось, что кто-то внимательно рассматривает его со спины. «Все нормально, — успокаивал он себя. — После опасных приключений с Габриэль и её товарищами, паранойя — ожидаемый побочный эффект». Эдвард продолжил путь. Когда он снова расслабился, его горла коснулся охотничий нож.

— Отдавай деньги! — приказным тоном представил свои требования уличный вор.

Эдвард безоговорочно достал кошелек с тем немногим, что у него было. Человек удовлетворённо ослабил хватку, бестактно вырвал из неловких пальцев юноши добычу и умчался прочь в одну из тёмных развилок переулка, шурша черным дождевиком. Перепуганный, Эдвард осел на асфальт и посмотрел на свои вспотевшие ладони — они неконтролируемо дрожали. Видимо, чудовища и инопланетяне, с которыми он сталкивался этим летом, так и не выработали в нем иммунитет к страху.

Добравшись до дома и сунув ключ в замочную скважину двери своей убогой квартирки на Волкер-стрит, 2в Эдвард озадачился.

«Очень странно, — подумал он и полез в телефон. — Ацель же должен быть сейчас... Не может быть! Пропущенный от Лили! Так и знал...»

Эдвард натянул на свое лицо самое строгое выражение, на которое был способен, и уверенно распахнул дверь. Густой дым и едкий запах гари любезно встречали его на кухне. Ацель отчаянно пытался потушить горящую сковороду.

— О, Эдвард, ты сегодня рано! — прокашлялся он.

— Что ты творишь? — Эдвард поторопился открыть окно, что вызвало некоторые трудности, поскольку большую половину и без того тесной кухни занимала самодельная химическая лаборатория. Огонь насытился кислородом и перепрыгнул на жалюзи.

— Ацель, сделай что-нибудь! — Эдвард был в панике. Жалюзи быстро воспламенились, провоцируя черные валы дыма.

Пришелец без проблем сорвал их и растоптал ногой.

— Кто тебя просил открывать окно? — прорычал он, выкидывая угольки обеда в мусорное ведро.

— Вот не тебе сейчас меня отсчитывать!

— Ты чуть не устроил пожар!

— Я не устроил пожар? Это у тебя сковорода загорелась вообще-то!

— Э-э... — Ацель неловко поправил волосы, — неудачный эксперимент...

— Я же просил тебя никогда не подходить к плите! Всякий раз, когда ты к ней прикасаешься, у нас что-нибудь обязательно да загорится.

— Я хотел приготовить обед, — искал оправдание Ацель.

— Что ты натворил?

— Ростбиф.

— Что?

Вообще-то Эдвард говорил про звонки тети, разрывающие телефон, а не о его кулинарном убожестве.

Но Ацель либо придурялся, либо в самом деле не понял его — он потряс книгой рецептов, демонстрируя иллюстрацию с аппетитной порцией мяса и овощей.

— Это должен был быть ростбиф, — пояснил он, грустно глядя в мусорное ведро и тщетно выискивая сходство между картинкой и получившимися в итоге черным нечтом. — Я готовил обед. К твоему возвращению, кстати говоря.

— Ты думал задобрить меня едой?

— Ты видишь меня насквозь, — невинно улыбнулся Ацель.

Эдвард выхватил книгу рецептов и кинул на стол, кашляя от дыма.

— Ты купил книгу рецептов? Зачем?

— Как зачем? Чтобы научиться готовить!

— Ладно, — выдохнул Эдвард. — Мы отклонились от темы. Почему ты дома?

Ацель помрачнел и процедил сквозь зубы:

— Он первый начал.

— Ацель, тебе что, семь лет? — с порицанием спросил тот.

— Не-ет.

— Я такие отговорки использовал, когда учился в начальной школе!

Ацель нервно расчесал голову и завыл:

— Я не могу работать с людьми, Эдвард! И в отличие от некоторых... — Он яростно сверкнул белесыми глазами из-под темных очков, — я не стану терпеть унижения от каких-то двуногих обезьян!

Взгляд Эдварда ускользнул куда-то к дверному проему:

— Не понимаю, о чем ты.

Ацель плюхнулся на табурет:

— Ты с кем-то обнимался?

— Что? Нет! Это... наверное... кленовый сироп, — обнюхивал себя Эдвард. Он не хотел развивать эту тему, но строгое лицо Ацеля и его глубокомысленное молчание выдавили из него больше слов, чем надо: — Случайно... облился. В столовой.

— А вчера ты случайно облился чаем. А позавчера...

— Не продолжай. — Щеки Эдварда заалели стыдом.

Так уж и быть — Ацель не стал перечислять все «случайности», разлитые на Эдварда, но издал раздраженный вздох:

— Кто они? Я бы мог...

— Нет! — остановил его Эдвард. — Это всего лишь кленовый сироп.

— И чай, и...

— Ацель! — настаивал юноша. — Правда... Спасибо тебе за заботу, но с этим я справлюсь как-нибудь сам.

— В прошлый раз, когда я изжил из колледжа твоих обидчиков, ты был бесконечно благодарен...

— И я никогда не забуду твоей доброты, Ацель, — одухотворенно положил руку на сердце Эдвард и сказал, не убирая коснувшийся его губ растроганной улыбки: — Но твоя жизнь и наша дружба мне дороже испорченной одежды. Если помнишь, из-за твоего вмешательства в мои отношения с одноклассниками, мы чуть не попались офицеру Фицману. — Он напустил на себя серьезность: — Я не буду дважды наступать на одни и те же грабли и рисковать твоей безопасностью.

Ацель спокойно его выслушал и вдруг нетерпеливо соскочил с табурета.

Эдвард замялся:

— Ацель, что ты делаешь?..

Но тот уже снял перчатки и вплотную навис над ним:

— Я не ошибся, — констатировал он. — Ты точно с кем-то обнимался.

— А, ты, наверное, про того воришку... — хохотнул Эдвард, спешно отстраняясь. Рептилоидная форма Ацеля его немного смущала. В ней пришелец будто становился выше и плотнее и... зубастее. Нет, Эдвард его не боялся, просто... просто еще не до конца привык к чешуе и хвосту, и переливающимся сталью когтям, и угрожающе острым зазубринам на переносице... Во внешности настоящего Ацеля было что-то фэнтэзийно-завораживающее, что-то эдакое драконье. Но как бы ты не был очарован драконом, нельзя забывать, что по природе своей это очень сильные и опасные создания. Вероятно, этот страх и оттолкнул Эдварда к стене.

— Воришку? — Ацель поморщился в отвращении, негодовании, беспокойстве — во всем по-отдельности и сразу. — Он тебя не ранил?

— Не волнуйся. Со мной все хорошо. Кроме того, в моем кошельке пылилось каких-то несколько жалких центов. Поэтому я не слишком переживаю. Ты, мой друг, ударил по моему бюджету куда серьезнее.

— Хм, — только и сказал пришелец и, натягивая перчатки, опустился обратно на табурет, приткнутый в пространство между дверью и столом. Раньше на него любил присаживаться Эдвард, чтобы понаблюдать за увлеченным химическими опытами Ацелем. Сейчас все эти так и до конца неотмывшиеся от разноцветных препаратов тощие склянки и пузатые бутылки стояли сухие и утратившие свой таинственный влажный блеск.

Эдвард не мог долго сердиться на Ацеля. В конечном счете он сам решил возложить на себя эту ношу, теперь нечего сетовать. К тому же, все не так уж и плохо. Вспомнить, с каким трудом они отвоевали мирную жизнь на Волкер-стрит! И скольким пожертвовали их друзья. Они с Ацелем еще легко отделались. А бытовые неурядицы — естественны и вполне разрешимы!

От этих мыслей настроение Эдварда резко улучшилось, и он подумал отложить тяжелый разговор на потом. И перед тетей он тоже извинится позже — когда в его голове сочинится убедительная история, почему Ацель натворил то, что натворил.

— Что ж, если уж судьба распорядилась подарить мне лишние часы дома, то я, пожалуй, приготовлю тосты. А ты поставь чайник. Или... — Эдвард скривился в улыбке. — Лучше не надо. Я сам. Но после того, как переоденусь.

Ацель глянул ему вслед и задержал в холле словами:

— Да, Эдвард... почему ты сегодня не остался на репетицию? У вас же скоро концерт.

— Да-а, меня... — подумывал соврать тот, но в миг утратил всю фантазию. — Меня выперли из группы.

— Что? Почему?

— Так... сложилось... Мне нашли замену.

Ацель вознегодовал:

— Тебя облили кленовым сиропом, выгнали из группы и ограбили... Не слишком ли много для одного утра?

Смирившись с реалиями, Эдвард уронил плечи и посмеялся так, будто все это не имело для него большой значимости:

— Да уж, многовато, ты прав...

Но Ацелю было не смешно, поэтому юноша тоже перестал смеяться и произнес на полном серьёзе:

— Возможно, у меня просто карма такая... быть неудачником? И пока я сам не научусь защищать себя, так и останусь им до конца своих дней!

Эдвард не мог долго игнорировать тетю и к концу дня связался с ней по видеозвонку. Он уже переоделся в пижаму и до утра распрощался с Ацелем, чтобы тот случайно не встрял в их разговор, ведь тетя Молл в душе не чаяла, что они с ним не просто приятели, но еще и соседи по квартире. А, учитывая, что ей теперь известно о безработном статусе Ацеля, причины их совместного проживания могут не сыскать с ее стороны понимания.

— Я обязательно возмещу весь ущерб, — пообещал Эдвард, понятия не имея как исполнит обещанное.

Блеклое лицо Лили Молл, не тронутое косметикой и посеревшее от усталости, едва-едва выхватывал из полумрака свет комнатного ночника. Как и Эдвард, она готовилась ко сну. Пока мистер Молл отмокал в ванне, женщина сидела на краю кровати с ноутбуком на коленях и ритмично качала детскую кроватку.

Они оба общались полупшепотом: тетя Молл — чтобы не потревожить безмятежный сон ребенка, а Эдвард — чтобы не раздражить недремлющее любопытство Ацеля.

— Ты уже мыслишь неправильно, — вздохнула женщина. — Ты не обязан брать его вину на себя, Эдвард. Пойми, дело даже не в деньгах, а в... морали. И мне плевать было бы на этого Гордона, я бы вызвала копов — и дело с концом. Но он же твой друг. Я рада, что тебе удалось с кем-то подружиться, но, дорогой... — Лили Молл с любовью взглянула на своего сына и всего на миг улыбнулась, чтобы затем излиться небывалой тоской в камеру ноутбука. — Ты уверен, что он, этот Гордон, неплохой человек?

— Ну, конечно! — без колебаний отвечал Эдвард. Пренебрежительный тон, с каким тетя называла выдуманное имя Ацеля, прозвучал для него как оскорбление. Неизвестно, почему его это так задевало. Ацель провалился с тем, чтобы произвести хорошее первое впечатление, он устроил дебош в ресторане и наплевательски отнесся к человеческой доброте. А ведь Лили Молл очень рисковала своим бизнесом, беря на работу такого, как он. Своим поведением Ацель насолил не только ей, он подставил и его, Эдварда, ведь, идя на уступки, тетя Молл, можно сказать, вверяла ему свое благополучие.

— Знаешь, — понизила голос она, — когда тот мужчина, с каким дрался Гордон, внезапно уснул, я поверила, что он умер! Я так испугалась. Знаешь, что я думаю?

О, да, Эдвард знал! Слишком хорошо знал. Они с Ацелем условились, чтобы больше — никаких химических опытов и препаратов! Но пришелец ослушался его. Где-то у него точно хранилась заначка, и полностью избавляться от нее он не собирался.

Тем не менее, это всего лишь были мысли Эдварда. Вслух он ничего не произнес, только вздохнул, чуя, что тетя Молл начинает сердиться. И хотя спящий ребенок мешал ей раскричаться, Эдвард чувствовал, как горят у него уши (Тетя Молл любила таскать племянника за уши, когда ругалась).

— Этот твой Гордон усыпил его.

— Да, у него проблемы с нервной системой, поэтому он носит при себе особые... препараты... — прибегнул к вынужденной лжи Эдвард (Надо же! С Ацелем он все чаще и чаще стал нуждаться в ней!), но потом еще раз прокрутил в голове сказанное и осознал, как ужасно это прозвучало! Хуже некуда! Какие еще, к черту, «особые препараты»?!

Эдварду захотелось провалиться на дно Марианской впадины, только бы не видеть этих округлившихся серых глаз, смотрящих на него с ужасом и сочувствием, как на несчастного безумца в белой рубашке.

— Эдвард, ты уверен, что он не манипулирует тобой?

— Уверен!

— Может, он тебя шантажирует?

— Нет!

— Этот тип очень подозрительный, не находишь? — Теперь Ацель из «этот Гордон» превратился в «этот тип». Ну, приехали... Ацелю никогда не восстановить свою репутацию! Отныне для тети Молл он навеки падший человек. — А его очки? А перчатки, с которыми он не расстается? — продолжала тетя, таким волнующим голосом, что из него так и прорывалось крикливое: «Эдвард, одумайся, ты подружился с аморальным ублюдком!»

Эдвард краснел, а тетя Молл ломала голову над тем, как потактичнее намекнуть племяннику прекратить общение с Гордоном Уильямсом.

— Послушай, дорогой, — с ласковой грустью заговорила она. — Не обижайся на меня, пожалуйста, ты добрый и сочувствующий, и это замечательно. Я молю бога, чтобы мой Питер вырос таким же, как ты, — взглянула она на сына. — Но этот мир жесток, он беспощаден и не платит нам по счетам. Я боюсь, что твоей добротой могут воспользоваться, и тебе потом будет больно от этого.

— На что ты намекаешь? — сделался раздраженным Эдвард.

— Моя сестра, моя милая Рут, в детстве тоже была хорошей, она любила мир и всем стремилась протянуть руку помощи. А потом... потом она сошлась с людьми, странными людьми вроде... вроде твоего Гордона... И посмотри, в кого она превратилась?

Эти слова больно резанули Эдварда по ушам. Они так разозлили его, что у него на лбу вздулись жилы.

— Не сравнивай меня с ней! — выкрикнул он, да так громко, что сам же от себя дернулся. Взгляд его помутнел от слез, и пока они не потекли по щекам, он поспешил захлопнуть ноутбук. Связь оборвалась, а Лили Молл только и успела виновато выкрикнуть имя племянника.

Эдвард упал на кровать, мимо подушки, и закрылся одеялом. Когда воздух под тем закончился, он выглянул на свет лампы, раззолотившей стену и его прилипшие к лицу мокрые волосы. Сонный, но теплый полумрак растекался по плакатам с экстравагантной Мией Донсон и участниками группы «Go-go, Furry!», которыми Эдвард так восхищался и чьей смелости, безусловно, завидовал. Но сейчас его взор привлекали не музыканты — таких яркие и энергичные, — а тихие и окутанные умиротворением пейзажи в рамках — фотографии зеленых гор и теплых, как солнце, равнин, бесконечно-голубых высот и тенистых ущелий, открытых небесам дорог и вечно стрекочущей дали. Его родной дом. Арканзас.

— Я не похож на свою мать, — в полшепота повторил он то, что ранее прокричал. — Я бы ни за что не поступил так со своим ребенком.

Глава 3. Расследование

На следующий день Ацель посетил бывшее место работы, чтобы отдать форму официанта. Лили не спускала с чудака испытующего взора, а завсегдатаям не терпелось выболтать подробности вчерашней перепалки. За одним из столиков сидела одинокая дама почтенного возраста с копной пышных посеребренных годами волос. Она бормотала возмущения и жаловалась кому-то, хотя в ресторане была совершенна одна. Дама не выглядела сумасшедшей, хотя многие посетители таковой её и считали. На ней было длинное шёлковое платье, золотые серьги с аквамарином и широкое хрустальное ожерелье, спускавшееся почти до самого декольте. Монолог старушки заинтриговал Ацеля, и тот невежливо подсел за столик.

— У вас что-то украли? — спросил он серьёзно, пренебрегая простым человеческим «здравствуйте».

Дама засветилась от счастья. Она была из разряда тех пенсионеров, которые прозябают последние годы своей жизни без детей и внуков, ведут дискуссии с бродячими кошками и никогда не отказываются пообщаться с человеком разумным. И пускай Ацель, фактически, до человека не дотягивал, разумным он был более чем предостаточно, в особенности для разбитой одиночеством женщины.

— О, молодой человек, вы не представляете! Сегодня по дороге из магазина меня ограбил мальчишка! Этот маленький паршивец украл моё обручальное кольцо — единственная память о моем несчастном Дональде!

— Вор угрожал вам ножом?

Пожилая дама смачно высморкалась в платок, но не потому, что раскисла от воспоминаний о почившем муже, а так... чтобы окружить себя драмой и подольше задержать рядом с собой в роли слушателя небезучастного незнакомца. Правда, она была слегка обескуражена, что молодой человек не проявил к ней сочувствия, а сразу перешел к допросу. Быть может, он полицейский?

— Да! — Старушка даже привстала, но тут же опустилась на стул. — Как можно угрожать пожилым людям?! Куда смотрят родители?! В моё время за такие выходки били палками!

— Почему вы решили, что вас ограбил мальчишка?

— Он был совсем невысокий, — пожала плечами старушка.

— А как от него пахло? —

Ацель не видел абсурда, он полагал, что задал вполне логичный вопрос.

— Простите, конечно, молодой человек, но я не имею ни малейшего понятия! Я не собака! — возмутилась дама.

— Очень жаль.

— Что?

— Очень жаль, что вы не собака.

Лили завидела причину своих проблем издалека и, ошетинившись, как кошка на собаку, примчалась к столику, грозно склонившись над ухом Ацеля и прошипев:

— Хватит распугивать моих посетителей! Извините. — Старушке она посвятила добродушный тон и любезную улыбку: — Не слушайте его. Он... он не здоров! Да, псих! Настоящий псих! И ему пора в его... психлечебницу!

Лили Молл грубо выпроводила Ацеля из заведения, предупредив напоследок:

— Я слежу за тобой, Гордон Уильямс!

Закатные тени набрасывали свой длинный настил на город, забирая у него тепло. Деревья, растущие по обочинам тротуаров, вытягивали свои силуэты на земле, будто в потугах убежать от самих себя. Ацель побродил какое-то время по стылым дорогам закоулков и вернулся домой. Он был такой задумчивый, что не сразу услышал, о чем восклицает ему с порога Эдвард.

— Листовки! Ты может раздавать листовки. С этим даже ребенок справится!
С газетой в руках Эдвард преследовал Ацеля до дивана.

— Ну? Скажи что-нибудь?

— Что ты от меня хочешь? — нехотя вцепился в низкокачественную бумагу пришелец.

— Чтобы ты нашёл работу!

Ацель страдальчески накрылся газетой, словно она была способна спасти его от действительности.

— Я же сказал, что не могу работать с людьми! Они отвратительны! Меня от них тошнит!

— Ацель!

— Ты ведь не выгонишь меня, застрявшего в двадцати тысячах световых лет от родной планеты, на холодную улицу под нескончаемый ливень туманного альбиона?

— Сегодня дождя не обещали.

— Сегодня — нет, завтра — начнётся.

— Завтра тоже безоблачно.

— Послезавтра?

— Ацель!

— В любом случае, однажды наступит осень и пойдут дожди!

— Да не выгоню я тебя!

Пришелец робко высунулся из-под мятой газеты:

— Правда?

— Если только ты сотрешь со своего лица эту циничную ухмылку! — И пообещай мне, — добавил Эдвард, смиряясь с упертостью друга, — что подумаешь над моим предложением. Если тебе не нравятся мои варианты, придумай свой способ заработка!

— Не переживай, я не дурак и не допущу того, чтобы мы оказались на улице!

Взор Ацеля случайно зацепился за статью. Он замолчал и с нешуточным видом вчитался в английские буквы заголовка: «Городской воришка. В Станвелле орудует банда».

— Кстати, — подсел к нему Эдвард, — где тебя носило столько часов?

— Хм... А что, беспокоишься за меня? — улыбнулся Ацель, не отрываясь от сводки новостей.

— Не хочешь — не говори, — обиделся тот.

Ацель отложил газету и загадочно ответил:

— Я ходил по магазинам.

— Ты снова брал мои деньги?

— Нет. Я просто смотрел! И нюхал!

— Чего? — Эдвард перекопился в удивлении.

— Я расследовал!

От его ответа менее недоумевающим выражение лица Эдварда не стало.

— Расследовал?

— Да. Хочу понять, кто украл у тебя кошелек.

Эдвард был приятно удивлен:

— Почему ты раньше не сказал?

— Потому что ты бы возразил мне словами: «Ацель, будь серьезнее! Мы не в детективном романе! Найди работу!» — передразнил он.

— Хах, ты прав, — неуклюже почесал затылок Эдвард. — Так бы я и сказал. Ну и что? Как успехи? Вышел на след?

— Сначала вопрос: твой воришка был ребенком?

Светлые глаза Эдварда раздумываяще забегали:

— Голос был мужской... — осторожно ответил он.

— Уверен?

— Думаю, это был невысокий мужчина средних лет.

— Понятно. Я ожидал такого ответа. — Ацель сонно потянулся и зевнул. — Я проанализировал новости Станвелла за эту неделю и наткнулся на несколько подобных случаев. Например, сегодня около двух часов дня ограбили старушку. Она заявляет, что воришкой был ребёнок. Три дня назад в газете, — потряс Ацель свертком, в который он свернул газету, — показывали сюжет о девочке-подростке, у которой украли телефон. Жертва придерживается мнения о том, что подозреваемая совсем еще молодая девушка.

— Думаешь, в Станвелле орудует банда? — предположил Эдвард.

— Журналисты тоже пришли к такому выводу.

— И?...

— И это не так. Очевидно же, что «Городской воришка» — один человек.

— Я не улавливаю...

— Ну, конечно! — Таинственно хихикая, Ацель легонько шлепнул Эдварда газетным свертком по макушке. — Не переживай. Никто не идеален.

Новый день обрушился на город в своём привычном темпе: грузно и уныло, точно потный толстяк в маршрутке. Ацель разбудил Эдварда в восемь утра и спланировал за него пятничный день, убедив взять отгул на работе, как он сам зарекнулся: «Во имя справедливости!» Разве Эдвард мог пойти против такого?

Без каких-либо обсуждений они доехали до летнего кафе и заняли крайний к выходу столик на открытом воздухе. Вскоре, к ним подошла девушка и дружеским жестом дала понять, что является объектом их ожидания.

— Простите-простите, — заверещала она тоненьким голоском, напомнив Эдварду какую-нибудь маленькую шуструю птичку. Строгое пальто, классические серые брюки со стрелками, высокие каблуки и тяжёлый дипломат так и кричали: «Я деловая женщина, не смейте меня задерживать!» — Я немного опоздала! Меня зовут Лия Линдси. — Девушка с энтузиазмом пожала руку Ацелю, и тому пришлось сделать усилие, чтобы вежливо отстоять этот натиск. — У меня не так много времени. Надеюсь, мы быстро все обсудим, — подкрепила она догадки Эдварда, пододвигая под себя пластмассовый стул. — Вы расследуете дело «Городского воришки»? — спросила она, и вопрос этот скорее был риторический. — Вам что-то удалось выяснить? Вы нашли мой портмоне?

Пришелец вытянул из-за пазухи антибактериальные салфетки и заговорил рассудительным тоном, непринуждённо протирая руки. По всей видимости, стыд в этой компании испытывал один лишь Эдвард. Поведение Ацеля мисс Линдси не сильно задело.

— Я позвал вас, чтобы задать пару вопросов. — Пришелец привычным движением тряхнул налезшие на глаза волосы. — Вас ограбили в этот понедельник, верно?

Девушка кивнула.

— В какое время?

— В час пятнадцать дня.

— Удивительно, что вы помните время с точностью до минуты, — решил внести свою лепту Эдвард, но Ацель одним выражением лица дал ему понять, что его догадка абсолютно неуместна. Эдвард покраснел и притих.

— Это был ребёнок?

— Нет, точно нет! У него был мужской голос.

— Он с вами говорил?

— Да, он сказал: «Отдавай деньги».

Эдвард обеспокоенно привстал, вспоминая свой личный опыт:

— Это тот же вор, что украл у меня деньги!

— С чего ты взял, Эдвард? — любопытно спросил Ацель, наконец закончив стерилизовать перчатки.

— Ну... очень похоже на мою ситуацию.

— Ты строишь выводы из несущественных деталей преступления и упускаешь самое главное. — Ацель с важным видом поднялся и поправил излюбленное пальто. — Что ж, спасибо, что уделили время, — сказал он, даже не удостоив мисс Линдси прощальным словом. — Можете идти по своим делам.

— Я вам помогла?

— Да, очень.

Девушка возрадованно захлопала ресницами:

— Ещё раз извиняюсь, что заставила вас ехать на другой конец города ради пятиминутного разговора. Кстати, об этом. А почему вы мне просто не позвонили? Я могла бы ответить на все эти вопросы по телефону. Я думала, мы будем прямо расследовать! Ну, знаете, как детективы! Собирать улики, всякое такое!

— Я собрал достаточно улик, — хмыкнул пришелец и бесцеремонно развернулся в сторону зеленеющего бульвара.

Эдвард культурно распрощался за двоих и поторопился догнать друга, который уже пересек плетеную белую оградку заведения и ждал его среди пятнистых теней крон.

— Куда дальше? — поинтересовался Эдвард, как никогда готовый к авантюре.

— Ловить «Городского воришку».

— Что? Уже?!

— Ну... сперва нам стоит заглянуть к одной нашей старой знакомой...

Под старой знакомой Ацель подразумевал миссис Уоткинс. Когда он назвал ее имя, Эдвард занервничал, думая, что они направляются домой к ней и ее дочери Пенни. Уоткинсы жили в доме напротив, и с тех пор, как их объединила Великая Утренняя Случайность и совместные приключения в Уиллоубруке, Эдвард будто бы стал ближе к своей мечте. Он был безумно влюблен в красавицу Пенни, а та часто приглашала его в гости, на вечерний чай. Хотелось бы ему сказать, что они проводили время только вдвоем, но реальность совсем не пахла романтикой. Организатором посиделок выступала миссис Уоткинс, и она всегда настаивала на том, чтобы Ацель тоже пришел. Эдвард притаскивал недовольного товарища в квартиру, и с этого момента дом на Волкер-стрит содрогался от споров и оглушительного азарта, с каким женщина и пришелец боролись за победу в настольных играх.

Но на сей раз причина их визита к миссис Уоткинс имела другой мотив — ничего общего с чаепитием и играми.

Ацель привел Эдварда в бутик на втором этаже торгового центра, где миссис Уоткинс исполняла обязанности менеджера.

— Что-то у меня дурное предчувствие... — выдавил Эдвард. Или, вернее, миссис Уоткинс выдавила из него эти слова, поймав в свои удушливые объятия.

— Эдвард, мой мальчик, как я рада тебя видеть! — с радушием поприветствовала его женщина. Ацелю же досталось какое-то соперническое «И тебе привет, Ацель», словно они даже в реальной жизни продолжали соревноваться.

Миссис Уоткинс отстала от Эдварда, чтобы исчезнуть на миг среди одежд и выехать сразу с двумя вешалками, набитыми одеждой.

— Рада, что вы наконец-таки созрели для того, чтобы прикупить себе нормальную одежду! Итак, кого будем одевать? Она прицельным взглядом стрельнула сначала на Ацеля, потом на Эдварда, но первый взял себе минуту, чтобы переварить ее крики, а второй широко раскрыл глаза.

— Простите, — извинился Эдвард сконфуженно. — У нас нет денег. Мы сюда пришли не для покупок, так ведь, Ацель? — Он вопросительно повернул голову на пришельца, потопливая того объяснить, зачем они наведались к миссис Уоткинс и что за неотложные обстоятельства заставили их явиться к ней прямо на работу.

— Да, у нас нет денег, — подтвердил Ацель к его. Увы, не успело то наступить, как на тонких губах пришельца высочила недобрая улыбка. — Поэтому нам нужен самый дорогой костюм напрокат! И, говоря, «напрокат», я имею в виду «бесплатно». Вы ведь можете оказать нам такую услугу, миссис Уоткинс?...

— Для чего тебе костюм? — захолопал на него ресницами Эдвард.

Но от его вопроса улыбка Ацеля стала еще более жуткой:

— Он нужен не мне.

Эдвард не понял, как, когда и почему, но вот он уже выходит из примерочной, разодетый в классический костюм на рубашку, с галстуком, затянутым под самую шею, как петля, а его волосы прилизаны назад и завязаны в низкий хвост, как у франта. Все это, в купе, наверное, должно было выглядеть элегантно и статусно, но по итогу смотрелось так, будто Эдвард собирается выступать на школьном утреннике.

— Что происходит? — несчастно уставился он на своих мучителей.

Миссис Уоткинс закружилась вокруг растерянного юноши, чтобы удостовериться, что фасон тому подошел идеально.

— Чудесно! — осталась довольна она своей работой. — Какой же ты красавчик, Эдвард! Прямо жених!

У Эдварда аж в горле запершило. Хотя это, наверное, галстук задушил его.

— Думаете? — ослабил он элегантную «удавку». — По-моему я в нем смешон...

— Не говори чепуху! В таком наряде любая девушка в тебя влюбится. Даже моя Пенни. — И миссис Уоткинс хихикнула ему на ухо — звонко и переливчато, прямо как колокольчик.

Эдвард мог бы верить ее словам, если бы не отражение в зеркале. Костюм хорош, ничего не скажешь, но на вешалке он сидит куда привлекательнее, чем на нем. Эдвард пыхнул раздражением и затащил Ацеля в раздевалку с фразой «Как это переодевание поможет расследованию?». А затем грубо занавесил штору прямо перед любопытным носом миссис Уоткинс, пока та не полезла не в свое дело — дело, которые он еще сам не уладил.

Ацель деловито сложил руки на груди и пустился в объяснения:

— Наш воришка уже видел тебя и знает, что в карманах у тебя пусто. Дважды грабить тебя он не будет.

— Хочешь, чтобы я выглядел привлекательно для вора? Но почему этим занимаюсь я, а не ты?

— Из того, что я разузнал, городской воришка выбирает себя в жертву либо хрупких девушек, либо немощных старушенций, либо... — Ацель неловко хохотнул, подбирая эпитеты, которыми мог описать Эдварда, но в голову не приходило ничего, что не звучало бы как обзывательство.

— Либо кого? Подожди-ка, — Эдвард покосился на своего зеркального двойника и уклончиво улыбающегося в отражении Ацеля.

— Ты же не хочешь сказать, что городской воришка поставил меня где-то между категориями «девушка» и «старушка»?

— Да ладно тебе Эдвард! — Ацель положил ему на плечи руки и развернул к зеркалу, кося заговорческой ухмылкой: — Во все этом есть и светлая сторона. Благодаря тебе мы поймем преступника!

До Эдварда только сейчас дошло, что Ацель делает из него жертву.

— И помни, Эдвард! Все во имя справедливости!

Глава 4. Городской воришка

Через несколько часов они доехали до места, где, по словам Ацеля, совершится очередной грабеж. Это был один из перегруженных постройками и обнесенных заборами малолюдных проулков, от которого бежали мурашки. Эдварду было велено стоять и делать вид, что он пишет что-то в телефоне, чтобы выглядеть для воришки максимально доступным и отвлеченным. На руку сыграло еще и то, что телефон, подаренный ему тетей, был хоть и старым, но дорогим. Поэтому у воришки не останется сомнений — перед ним человек с деньгами. Прямо не жертва, а лакомый кусочек!

Предприятие, в которое они ввязались, конечно, представлялось сущей ерундой по сравнению с тем, что им пришлось пережить в Уиллоубрукском лесу, но Эдварду и этого хватило, чтобы покрыться холодным потом. Ведь — на минуточку! — их воришка вооружен охотничьим ножом. Ацель заверял, что, если Эдвард не будет сопротивляться и отдаст вымогателю кошелек (денег в нем, конечно же, не было), его не тронут. Стало ли Эдварду от этого легче? Нет. Кто знает, что взбредет в голову преступнику? Чтобы не паниковать и не думать о том, как нелеп он в своем костюме, Эдвард медитировал на фотографию Пенни в телефоне — единственную фотографию с ней, сохранившуюся с прошлого Рождества. Он смотрел на нее, утешая себя фантазией, где она восхищенно повиснет у него на шее, когда узнает, что он, собственноручно, поймал терроризирующего город злодея.

— Да кого я обманываю, не будет такого, — его мечты разбились о здравую логику, в какой место Пенни заняли смачные поцелуи миссис Уоткинс. — М-да, так, куда правдоподобнее...

Воришка что-то задерживался, и Эдвард заскучал. Не то чтобы он безудержно желал почувствовать лезвие ножа у своего горла, но скорее бы все это закончилось! Он так переволновался сегодня, что пообедал слишком скромно для того, чтобы заправить свой организм до ужина, и сейчас его живот урчал громче, чем, обыкновенно, урчит у Ацеля...

В своих гастрономических размышлениях, Эдвард упустил момент, когда за его спиной мелькнула черная тень. Как и днем ранее, грабитель подкрался к нему сзади — на удивление бесшумно, — и приставил нож к шее, скомандовав:

— Отдавай деньги!

Эдвард не думал медлить. Это в их с Ацелем план не входило. Наоборот, чем быстрее он отдаст кошелек — тем безопаснее будет для него. Но голос, что он услышал, вывел его из равновесия. «Это другой человек», — удивился он.

— Отдавай деньги! — повторил воришка — тем же тоном — хриплым скрипучим голосом какого-то бывалого преступника. Но мужчина, ограбивший вчерашним днем Эдварда, звучал иначе и точно намного моложе.

Воришка оказался очень терпелив. Эдвард отдал ему кошелек только после третьего требования. Запятав добычу за пазуху, мужчина в черном дождевике стремглав бросился бежать. Эдвард глядел ему в след, испуганный и сомневающийся в догадке Ацеля, касательно того, что они ищут одного человека. С другой стороны, пришелец не смутился даже утверждением одной из жертв о том, что на нее напала женщина. Так, может, он прав? Может, он знает то, чего не знают другие? Пазл был практически готов сложиться в голове Эдварда, но на «сцену» вышел Ацель, и все внимание обратилось на него.

Воришка вдруг вскрикнул и распластался грудью на асфальте, споткнувшись о выставленную из-за угла ногу в черном ботинке.

— Попался! — скручивая вора, сверкал ледяной улыбкой Ацель.

Когда грабитель очухался от удара и понял, что с ним произошло, он сразу перестал сопротивляться и обмяк, будто принимая свое поражение.

Весь такой из себя неудержимый, непревзойденный, знаменитый городской воришка так быстро и позорно сдался!

Эдвард подбежал к Ацелю в тот самый миг, когда с головы грабителя слетел капюшон, являя миру не дерзкого разбойника, но девочку, совсем юную, со смуглым личиком, искажённым страхом.

— Девушка? — громко изумился Эдвард.

Ацеля нисколько не тронуло, что он поймал ребенка. Пришелец не разжал пальцев, пока не вырвал из маленьких ладоней проигрыватель.

— А вот и доказательство!

— Что это значит? — Эдвард не верил своим глазам. — Мы что, все это время искали... ребёнка?

— Я не ребёнок, — потирала ободранную об асфальт щеку девочка. — Мне четырнадцать. Меня зовут Эбигейл.

— Она ненамного младше тебя, Эдвард, — хмыкнул Ацель как-то подозрительно весело.

— Но как же... голос?

Ацель щелкнул кнопкой карманного проигрывателя: «Отдавай деньги!» — рявкнул мужской голос. Пришелец переключился на следующую запись, и из динамика снова раздалось те же слова, но теперь Эдвард узнал в них своего вчерашнего грабителя. Третья запись зазвучала властным, зрелым женским голосом, холодом своим до боли напомнившим юноше отстраненный тон его матери. У него словно лед застыл внутри.

— Эдвард, ты в порядке? — Ацель нахмурился, обеспокоенно глядя на друга.

Эдвард отряхнул с души навязчивые тени прошлого и попытался собрать ускользающие нити реальности.

— Ловко ты заморочила голову горожанам, — искренне восхитился он, пораженный изобретательностью девочки.

Он ожидал, что его слова пристыдят юную воровку, но реакция последовала совсем не та, на которую он рассчитывал.

— О, спасибо! — улыбнулась девочка, не отнимая ладошки от рассеченной щеки. — Я долго ломала голову, как сделать так, чтобы меня никогда не поймали! Все продумала. Абсолютно все! — Улыбка сползла с ее маленького рта, и наступило разочарование. — Как вы умудрились выйти на мой след? — Она негодуяше покачала головой.

— Кажется, я понял, — глаза Эдварда загорелись внезапным озарением. — Рост. Все дело в росте, не так ли, Ацель? Ты заметил, что во всех случаях есть одна общая деталь — свидетельства всех жертв сходятся в одном: преступник невысокого роста.

— Да, и это тоже. Но все началось с запаха...

— С запаха?

— Помнишь, я говорил, что ходил по магазинам? Когда ты вернулся в среду после учебы, я уловил от тебя странный аромат.

Эдвард слегка покраснел:

— Кленовый сироп?

— Нет. Стойкий запах мужского парфюма, — удивил его ответом Ацель. — На следующий день в ресторане я услышал, как старушка бормочет о каком-то ограблении. Меня это заинтересовало. Подойдя ближе, я почувствовал знакомый аромат духов, смешанный с каким-то новым, горьковатым запахом. Из газет я узнал, что в Станвелле орудует «банда», прославившаяся под общим именем «Городской воришка». И меня осенило: а что, если это на самом деле один человек? Чтобы убедиться в своей догадке, я встретился с еще одной жертвой городского воришки — с мисс Линдси. С момента ограбления прошло какое-то время, но мне повезло, что она была в той же верхней одежде, что и в тот день. Люди не так часто стирают пальто и... дождевики. — Ацель многозначительно блеснул стеклами очков в лицо воришке. — Аромат

парфюма все еще витал вокруг ее пальто и дипломата. На этот раз запах был похож на тот, что исходил от старухи в кофейне. И все же, сквозь этот жуткий букет пробивался старый добрый мужской парфюм. Вывод: наш воришка использует два типа духов — женский и мужской, — чтобы убедить окружающих, что городской воришка — это каждый раз разные люди. Я обошел все магазины в Станвелле и нашел весьма недешевый бренд. Бродяга или бедняк не смог бы себе такое позволить.

— Bravo, Ацель! — Эдвард был готов аплодировать, но взгляд воришки заставил его осечься. Дело-то они раскрыли, а что делать с девочкой?

Раз она имела возможность приобрести дорогой парфюм, получается — в деньгах не нуждалась. Тогда...

— Зачем ты это делала? — опечалился Эдвард своим умозаключением. — Зачем грабила людей? Это ведь все не ради наживы?

Голос Эдварда звенел металлом, как у потрепанного жизненными неурядицами взрослого человека. Девочка даже на минуту забыла, что они с ним почти ровесники и скусилась под его взглядом.

— Это всего лишь деньги. Я же никого не убила! — искала она себе оправдание.

— А нож? Ты приставляла к людям нож!

Девочка достала свое оружие и провела лезвием поперек собственной ладони:

— Он бутаторский. Видите?

Эдвард глянул в безразличное лицо Ацеля.

— Ацель, ты знал?

— Предполагал, — просто ответил тот, поворачиваясь к воришке и скрещая руки на груди. — Я бы тоже так сделал, если бы хотел устроить цирк и поугатать округу. Ты знала свои физические возможности и боялась того, что твое оружие могут отобрать и использовать во вред тебе. Поэтому ты и нападала на тех, кто слабее и пугливее тебя: девушек, стариков и... — Ацель поперхнулся. — Эдварда.

— Эй...

Пришелец притворился, что не услышал возмущения, и продолжил:

— Однако, хоть убей, не пойму. Чего ты добиваешься?

Лицо девочки расцвело улыбкой, в которой таилась заветная мечта:

— Я... Я просто хотела, чтобы родители заметили меня.

Эдвард оторопел:

— Что?

— Видите ли... Я стала для них разочарованием... когда они поняли, что я не оправдала их надежд. Им все восхищаются. А я... — Девочка погрустнела, помолчала немного и вновь осилила улыбку — теперь какую-то зловещую. — Бьюсь об заклад, они не ожидали, что их дочь сумела обвести вокруг пальца целый город! И хотя я надеялась, что смогу скрывать тайну дольше, я все же рада, что скоро они вкусят мою месть! Мой гениальный братец никогда бы так не смог!

Эдвард правдой огорчился, но свои чувства умолчал. Ацель же вспыхнул от нее, как от искры.

Избалованная неблагодарная пигалица! — рыкнул он и цапнул девочку за ворот дождевика, дыша своим опаляющим гневом ей в лицо. — Твои родители с рождения покрывали твои нужды! Готов отдать руку на отсечение — ты никогда не испытывала чувства голода, не знала, что такое отморозить ноги, ночуя на голой земле! Ты хотя бы на миг допускала мысль, что, своровав у человека кошелек, ты могла лишиться его последних сбережений! И пока ты, довольная, как круто все провернула, будешь сидеть в своей теплой роскошной столовой и воротить нос от танцующей вокруг тебя прислуги с подносами еды, этот человек будет вынужден ограничивать себя в пище и засыпать с голодным желудком. Ты ведь не думала об этом, правда?

Откуда тебе знать цену деньгам, когда у тебя богатенькие родители? А кто-то гнёт спину на проклятой работе, вкалывает, как черт, чтобы выжить, чтобы заслужить жалкие крохи!

Ошарашенный Эдвард долго не мог вставить слово. Ацель знал, о чем говорил, каждая его фраза была выстрадана, а гнев более чем оправдан и справедлив. Но это надо было прекращать.

— Ацель, успокойся! — Эдвард силой опустил его руку, заставив разжать пальцы и отпустить перепуганную девочку.

Та отпрянула к стенке и, отдышавшись, вымолвила Эдварду робкую благодарность:

— Спасибо.

Но взгляд Эдварда метал молнии:

— Не благодари меня. Он прав во всем. Ты поступила очень эгоистично. Сомневаюсь, что после того, что ты сделала, твои родители вообще простят тебя. Ты испортила им репутацию.

— Но...

— А себе жизнь, — добавил Ацель хмуро. — Посмотрим, останешься ли такой же крутой в исправительном учреждении для малолетних!

— Не надо! Пожалуйста, не надо! — взмолилась девочка, роняя слезы по щекам. — Только не в тюрьму! Я все верну! Все, что украла! Мои трофеи... — Она потупилась во стыде и пробормотала едва слышно: — ...они спрятаны в моей комнате.

Ацель, казалось, только этого и ждал. В его глазах загорелся хищный огонек.

— Что ж, мы можем укрыть твои шалости от правосудия, малышка, но... — Он осклабился, торжествуя свою маленькую победу, — ...мое молчание обойдется тебе недешево.

Глава 5. Особняк Мэллоу

Лоскуты розового мяса шипели, румянили свои бока на сковороде, высвобождая пленительный аромат тимьяна и базилика. Пятничный вечер пьянил предвкушением: объятиями с подушкой до полудня, безмятежными выходными и, главное, сознанием исполненного долга — они с Ацелем помогли людям. Всё, что утащила дерзкая воровка, вернулось к своим хозяевам. Даже пустой кошелек Эдварда! Он не был корыстолюбив, но не ликовать от такой удачи — настоящее кощунство. За один день они с Ацелем выручили больше прибыли, чем Эдвард зарабатывал за неделю! По такому случаю можно и раскошиться на бекон с сыром.

— Это невероятно! — восклицал юноша, шинкуя белые грибы на доске. Делал он это весьма филигранно, будто занимался готовкой всегда — жизнь холостяком научила его готовить для себя. Ацель, замороженный, сидел на табуретке, заложив ногу за ногу, и наблюдал за ним, одновременно услаждая слух похвалой, сегодня весь вечер льющей в его сторону, как звонкие переливы фанфар. — Найти вора по запаху! И это ты еще не снимал маскировочные перчатки! Без них бы ты, наверняка, уделал бы любую ищейку! А как ты определил место и время её сегодняшнего... грабежа? Станвелл хоть и маленький город, но вероятностей, где мог совершить свое очередное преступление городской воришка, очень много, — задумался Эдвард.

— Все свидетели твердят, что их обчистили среди бела дня. Точнее, после полудня. Изучив карту города, я заметил закономерность в ее похождениях. Пять безлюдных переулков Станвелла, порядок которых она меняла хаотично. Как позже выяснилось, именно в эти часы у нашей Эбигейл выпадает свободное время, в которое ее няня любит прикорнуть, — Ацель говорил небрежно, словно делился секретом приготовления идеального омлета, а не деталями раскрытия дела.

— Правда? — Эдвард в задумчивости отправил нарезанные грибы скворчать на сковороду. — Когда ты только успел это выяснить? Не припомню, чтобы ты говорил с родителями Эбигейл без меня. Мы же все время были вместе...

— Я ни с кем не говорил. Не знаю, долетали ли до тебя отголоски чужих разговоров, но перед тем, как пригласить нас за стол, няня Эбигейл самозабвенно извинялась перед хозяевами за свое плохое самочувствие и внезапно находящую на нее в последнее время дремоту.

— Ах, да, и ты еще посоветовал ей внимательнее следить за тем, что она ест и пьет. — Эдвард резко прекратил помешивать грибы и обернулся, пораженный. — Не хочешь ли ты сказать, что Эбигейл подмешивает своей няне снотворное, чтобы улизнуть из дома?

— Может — да, а может — нет. Это просто совет, Эдвард. — Ацель загадочно развел руками.

— Ладно. Но как ты узнал, что она планировала грабёж именно на Пайнроуд-стрит?

— Все гениальное — просто: четыре переулка на этой неделе она уже посетила. Остался последний. И из всех выбранных ею мест, Пайнроуд-стрит, 21 — единственное, где еще не совершалось ограблений. — Пришелец триумфально поставил точку и эгоцентрично вскинул подбородок.

— Надо же... — только и выдал Эдвард. — А я-то думал, ты выследил ее по запаху.

— Не обесценивай мою дедукцию!

Плечи Эдварда затряслись от сдерживаемого смеха.

— Ты читал Конан Дойля?

— А как мне еще постигать британские манеры, если не из ваших книг?

— Манеры? Мне кажется, ты постиг что-то другое?

— Например?

— Высокомерие!

— Пф, — фыркнул Ацель ворчливо. — Высокомерие всегда было при мне!

Эдвард накрыл сковороду крышкой и, навалившись спиной на столешницу, озорно улыбнулся:

— Слушай, а может, нам и в самом деле открыть детективное агентство?.. Назовем его...

«Эдвард и компания», — картинно обрисовал он рукой в воздухе, поддразнивая друга.

— Идея неплоха, но название мне не нравится.

Эдварду посмеялся и сказал серьезно:

— А мне ее даже жаль.

— Кого? — не просек внезапной смены темы Ацель.

— Городского воришку. Эбигейл. Она делала все это, чтобы заслужить внимание родителей. Можно иметь хоть сколько нянь, окружить себя деньгами и прислугой, сдувающей с тебя пылинки, но это не заменит родительской любви. — Эдвард поддался печальной задумчивости и случайно поймал взглядом такую же меланхолию на лице Ацеля. — Эй, — улыбнулся он, стараясь прогнать грусть, — признай, тебе тоже ее жалко.

— Что? Нет.

— Ну хоть капельку?

— Мне абсолютно-совершенно-категорически наплевать.

— Врешь. Я по твоему лицу вижу, что это не так.

Ацель хмыкнул.

— Чего? — усмотрел Эдвард блеск лукавства на его губах.

— Ты уверен, что читаешь мои мысли. Но это не так.

Эдвард напряженно вытянулся.

— В таком случае, — стало любопытно ему, — о чем ты думаешь?

— Я думаю о том... — вставил драматичную паузу Ацель, но совсем не оправдал напущенной интриги: — не подгорит ли моя еда?

Эдвард спохватился снять сковороду с огня.

— Фух, ничего не подгорело! — заглянул он под крышку и, счастливый, что успел, стал раскладывать еду по тарелкам. Поскольку Эдвард не употреблял мясо, приготовленный им заранее рис с овощами отправился в обе порции, а гарнир из бекона и грибов только в порцию Ацелю.

Сбросив клетчатый фартук, Эдвард плюхнулся на табурет и провозгласил: «Приятного аппетита!» — как вдруг телефон, забытый на столе, задрожал и разразился стандартной мелодией.

— Кто звонит? — поинтересовался Ацель, щедро посыпая свой ужин тертым сыром — единственным пунктом в рационе питания на сегодня, где вкусы человека и пришельца достигли безоговорочного консенсуса.

— Незнакомый номер. — Эдвард пожал плечами, но все же поднес телефон к уху.

Ацель наблюдал, как тот, откликаясь отрывистыми фразами и робко кивая, словно видит собеседника перед собой, втягивается в разговор.

— Здорово... Да, так и было. А откуда вы о нас узнали? А-а, миссис Бэлтон? В такое время? — колебался Эдвард, но, видимо, жалобные интонации звонившего растопили его сердце, и он завершил беседу дружелюбным: — Хорошо, мы приедем.

— И куда это «мы приедем»? — спросил Ацель, не переставая жевать. — И кто такая миссис Бэлтон?

— Это та добрая пожилая дама, которой мы вернули обручальное кольцо, — объяснил Эдвард, все еще пребывая в растерянности после звонка. — Похоже, у нас новое дело. И наш клиент хочет увидеть нас прямо сейчас.

Особняк вонзился в бархатную тьму летней ночи угловатыми выступами, развеяв последние сомнения: Ацель и Эдвард прибыли на место. Идеальная декорация для полуночного визита. Стены, покрытые слоями потрескавшейся краски, напоминали то ли истерзанный временем мрамор, то ли сморщенную кожу заочневшего старца. Окно на первом этаже мерцало приглушенным светом, оценивающе взирая на путников, а одинокий фонарь у ворот ворчливо мигал, хрипя электрическим кашлем. Эдвард потянулся к калитке, но та, словно повинаясь невидимому приказу, таинственно заскрипела и распахнулась сама, приглашая гостей в свою зловещую обитель.

— Эдвард, — напрягся Ацель. — Ты уверен, что здесь живет безобидная старушенция, а не какой-нибудь вампир?

— Ты перечитал романов...

— Говорит мне любитель комиксов про супергероев.

Эдвард испепелил пришельца взглядом, уже открыл рот для колкого ответа, но в тот же миг клубящаяся тьма ночи разверзлась оглушительным раскатом грома, и вспышка молнии на миг выхватила из мрака готические шпили особняка. Суть спора улетучилась.

— Беру свои слова назад, — пробормотал Эдвард, зачарованный зловещей красотой. — Этот дом и впрямь напоминает логово Дракулы... Не думал, что в таких еще кто-то живет.

Они миновали одичавшие заросли роз, где не знавший ножниц газон отчаянно боролся за жизнь с цепкими сорняками, чьи грубые усики оплетали декоративную кирпичную кладку. Проигнорировав изящный дверной молоточек в виде бычьей головы, Ацель грохнул в дверь кулаком. На пороге возникла старушка в халате из лоснящейся оливковой парчи. Сеть глубоких морщин избородила её лицо — такое же белое, как краска фасада, — когда она улыбнулась губами в красной помаде. Впрочем, маленькие обесцвеченные тяготами лет глазки выдавали затаенную тревогу.

— Здравствуйте, вы... миссис Мэллоу? — поздоровался Эдвард первым. — Вы звонили нам сегодня, — пояснил он, почувствовав, как нескромно скользит по нему старушечий взгляд.

— Да-да, мальчик мой, я помню. — Старушка тряхнула седым «бобом» на голове. — Просто я немного удивилась, что вы так молоды. Простите.

— Ничего...

Миссис Мэллоу охнула от собственной невежливости и засуетилась:

— Извините меня, ради бога! Какая я бестолковая. На дворе моросит дождь. А я вас держу на пороге. Проходите же, скорее, не стойте!

Переступая порог, Ацель и Эдвард обменялись взглядами, и они оказались совершенно разными. Юношу невольно очаровали аристократические манеры хозяйки и безупречная, словно отточенная веками, речь. Чего нельзя было сказать о пришельце. Ацель за километр чуял зануд.

Старушка затворила за ними тяжелую дверь и, весьма шустро для своих лет, поплыла по багряному ковру холла, щебеча на ходу:

— Добро пожаловать в особняк Мэллоу. Мое настоящее имя Эмили Уилберфорс, но многие годы все обращаются ко мне как к миссис Мэллоу — по фамилии моего отца.

— Очень приятно, миссис Мэллоу, — лучился дружелюбием Эдвард, стараясь не отставать от старушки и не наступать на подол ее халата. — Меня зовут Эдвард Лэйд.

— Рада иметь с вами знакомство, юноша. А что насчет вашего друга? Почему он так молчалив?

Ацель поджал губы и слова бы не вымолвил, если бы не испытал на себе повелительный взор Эдварда.

— Ац...

— Гордон Уильямс, — исправил забывчивого Ацеля Эдвард. — Его зовут Гордон Уильямс.

— Да. Так мое имя, — подтвердил тот, буркнув себе за плечо: — Ненавижу его.

— Итак, мистер Уильямс и мистер Лэйд, вам, наверное, интересно... — начала миссис Мэллоу с воодушевлением, — подробнее узнать об этом особняке...

— Вообще-то, — не стал врать Ацель, — нам было бы куда интереснее узнать подробности вашей проблемы...

Но миссис Мэллоу уже затянула свою песню, и Эдвард, конечно, всецело подыгрывал ей.

Хозяйка провела гостей через сумрачный холл, увешанный помпезными полотнами картин. Она шла и плескала руками то в одну, то в другую сторону, периодически замедляясь и воркуя о том, как господину Мэллоу досталась та или иная картина, и каким трудом был отреставрирован дом:

— ...Поскольку здание является историческим наследием, нам не разрешено производить какие-либо декоративные манипуляции с его фасадом.

— Что ж, это объясняет, почему он выглядит так устрашающе... — комментировал себе под нос Ацель.

С горем пополам они добрались до гостиной, но там песня не закончилась.

— А этим антикварным часам уже более двухсот лет, — поглаживала миссис Мэллоу циферблат.

— Ого, — со всей искренностью отзывался ей Эдвард. — Часы с кукушкой! Должно быть, они очень дорогие!

— Да, одна золотая кукушка чего стоит!

— А стрелки тоже из золота?

— Да, но, открою вам секрет, молодой человек: все, что вы видите в этом доме — ничто в сравнении с бриллиантом, что я ношу на груди.

Старушка гордо выпятила декольте, вновь восхищая Эдварда.

Ацеля же чуть не стошнило.

— Может, нам стоит... — начал было он, желая напомнить о цели их визита, но Эдвард перебил его восклицанием: «Сколько же он весит?!»

— Ладно, Эдвард, развлекайся... — сдался Ацель и с измученным вздохом рухнул в кресло.

Едва он успел вытянуть ноющие ноги на стол, по обычаю забывая про манеры, как глаз его поймал нечто любопытное.

На полу, возле стеклянных дверей, ведущих на веранду заднего двора, сидел крупный белый кот. В отличие от «породистого» особняка, он совсем не выглядел породистым: короткие ворсинки шерсти, облезлый хвост, рваное ухо. Кот не обратил внимания на незнакомцев, продолжая смотреть сквозь стекло, запятнанное неказистыми мутными растяжками — следами бывших дождей. И даже когда любопытствующий Ацель встал с кресла и подошел к нему вплотную, он не шелохнулся — даже усом не повел!

— Что не так с этим котом? — удивился Ацель, не надеясь, что его услышат.

Но ему ответили:

— Вы наблюдательны, мистер Уильямс! — изменила тон миссис Мэллоу, и ее обведенные брови задралась высоко на лоб.

Старушка подошла к столу, тряся указательным пальцем, будто об этом аспекте проблемы она и собиралась поговорить, и опустилась на недавно оприходованное Ацелем кресло. Ее оно приняло со скрипом, похожим на стон.

— Из-за кота? — нахохлился Ацель.

Эдвард тоже не знал, как реагировать:

— Простите, миссис Мэллоу, но если у вас заболел кот, то целесообразнее будет отвести его к ветеринару.

— Вот и полицейские мне так сказали! Но подождите вешать на меня клеймо сумасшедшей. Хотя бы выслушайте мою историю! Если вы не заинтересуетесь, то я вас не держу, так и быть.

Старушка вдруг вся поникла, задрожала.

— Мы вам обязательно поможем! — обнадежил ее сердобольный Эдвард.

— Ах, мой милый мальчик, благодарю!

— И в чем же ваша проблема?

Миссис Мэллоу в сердцах вздохнула и прикоснулась кончиками сложенных пальцев к бриллиантовой броши на тесьме закрытой сорочки, словно она служила ей оберегом.

— Мой кот по кличке Эспер уже третью ночь без движения смотрит на задний двор, перестал есть и спать. Я боюсь, что он погибнет от истощения! Я тоже думала, что он заболел. Но, знаете, — неожиданно перешла она на зловещий шепот, — последнее время меня одолевает странное чувство... Мне мерещится, что за мной следят! Возможно, Эспер чувствует присутствие недоброжелателей и поэтому так себя ведет. Коты склонны отстаивать территорию.

— А вас есть... враги?

— Конечно! Я одинокая пожилая женщина, живущая в богатом особняке. Никакой охраны — мечта любого домовладельца!

— Вам кто-нибудь угрожал в последнее время? — спросил Ацель, осторожно положив ладонь между ушей кота и нахмурившись еще заметнее.

Миссис Мэллоу потерела мочку уха дряблыми пальцами и ответила:

— Мой внук, Чарли, замешан в плохой компании. Видите ли, его друзья — странные люди. Три дня назад Чарли навещал меня, но как выяснилось... переживал он не за моё здоровье, а за моё золото! Он снова просил у меня в долг, который, как вы понимаете, никогда возвращать не собирался. И жутко разозлился, когда я отказала ему. Думаю, если вы сможете разыскать Чарли, то все встанет на свои места. — Вон там! — Миссис Мэллоу простерла рукой на сервант, и Эдвард, как по указке, встал с дивана. — Мой фотоальбом.

Альбом нашелся в первом выдвижном ящике. Получив его, старушка сразу открыла нужную страницу. Цветная фотография была ярким пятном среди черно-белых снимков молодости. Пока миссис Мэллоу не принялась вспоминать своих многочисленных родственников, Ацель оставил кота и прямо спросил:

— Это фотография вашего внука? — кивнул он подбородком на широкоплечего коренастого мужчину около сорока лет.

— Верно...

Чарли был запечатлен широко улыбающимся. Испачканная в машинном масле футболка не стала помехой для гордой позы, в которой мужчина нежно возложил ладонь на капот красного «Роллс-ройса»

— У вас есть какие-нибудь догадки, где он может быть? — закончил разглядывать фото Эдвард.

Мисси Мэллоу отклеила снимок, чтобы отдать Эдварду, и разбитым вздохом захлопнула альбом.

— Увы... Я понятия не имею, где он. Но я оставляю вам его номер. Не знаю — ответит ли он вам. Чарли давно не берет трубки. Из-за его образа в жизни я оказалась в таком положении, что не могу даже обратиться в полицию, чтобы не подставить его. Я не знаю, что он задумал. — Миссис Мэллоу так рассердилась, что жилы на ее дряблой шее пугающе зашевелились. — Но если он опустится до того, чтобы ограбить собственную бабушку, клянусь, я посажу его за решетку и не посмотрю, что мы родственники.

— В таком случае, мы пообщаемся с ним завтра, — заявил Ацель. — А пока, позвольте, осмотреться в вашем саду. — И он отрешенно повернулся к стеклянным дверям.

— Хорошо-хорошо, — была не против миссис Мэллоу. Инициативность Ацеля успокоила ее, она повеселела: — Все, что угодно! Мой дом в вашем распоряжении!

Ацель стремительно выскользнул на веранду и тенью прильнул к стене, скрывавшей его от взора старушки. Эдвард бесшумно затворил за собой стеклянные двери и присоединился к нему.

— Что ты делаешь? — шепотом спросил он стаскивающего перчатки Ацеля.

— Прикрой меня, — бросил тот, и Эдвард глянул через стекло, чтобы убедиться в том, что миссис Мэллоу не собирается покидать свое глубокое кресло.

— Хм...

— Что-то не так?

— Я надеялся учуять запах постороннего человека или запрещенных веществ. Но... ничего.

— Это же хорошо, не так ли?

— Не знаю. Это усложняет расследование.

Ацель нятягивал перчатки обратно, а его голову не отпускала мысль:

— Если с Чарли хотя бы понятно, что делать, то этот кот меня напрягает.

Эдвард поглядел на уже преобразившееся в человеческое лицо Ацеля и спросил:

— Ты думаешь, что Эспер имеет какое-то отношение к пропавшему внуку миссис Мэллоу?

Сам он не видел никакой связи между странным состоянием кота и тревогами старушки о своем золоте.

Но Ацель пропустил его вопрос мимо ушей, увлеченный размышлениями.

— Он продолжает смотреть на что-то...

Пришелец сорвался с места.

— Ацель? — Эдвард последовал за ним.

Присев у стеклянных дверей, Ацель оказался напротив кота.

— Что же ты видишь? — поводил он ладонью перед мордой животного, но кот никак не среагировал. Даже моргнуть не соизволил! Словно широкая грудь Ацеля не могла закрыть собою объект, так привлечший его.

Эдвард попробовал угадать, в какую точку пространства нацелен взор Эспера:

— Мне кажется, он смотрит на тот куст.

Ацель оценивающе приподнял брови и в знак согласия коротко кивнул. Они тихо подошли к кустарнику, обменялись нерешительными взглядами, и, затаив дыхание, раздвинули цепкие ветки.

— Ничего! — выпустил Эдвард вздох облегчения.

Ацель же отсутствию улик заметно огорчился, но вслух об этом ничего не сказал.

Глава 6. Преследование

Субботним утром Ацель позвонил по номеру Чарли, и тот без уговоров согласился на встречу в парке, хоть и отвечал на все вопросы о себе неоднозначно и с недоверием. Но так и полагает человеку, обитающему в опасных кругах.

Проведя детство на юге солнечных Штатов и поселившись в Англии, Эдвард сразу не влюбил ее пасмурные дни, такие, как сегодня, но станвеллскому старому парку даже была к лицу эта скромная серая вуаль непогоды. Он весь распустился, стал одичалее, а аромат хвои насытил все вокруг горькой свежестью. Но больше всего, конечно, восхищала в нем не мрачная красота, а его малолюдная не попорченная голосами города тишина. В Блэксвон-парке всегда много людей: старики кормят голубей, молодые мамочки гуляют с колясками, а молодежь гоняет на скейтах или пинает мяч. Поэтому часы, подобные этому — настоящее отдохновение.

По тротуарам пронеслись и исчезли в туманной зелени безрассудные велосипедисты. Глубоко в душе Эдвард завидовал беспечности этих ребятишек, выбравшихся погулять наперекор протестам родителей. В такое утро не каждому хватит сил встать с кровати — не то что сесть на велосипед. Но в юности дружба поднимает на ноги и вытаскивает тебя из дому по первому звонку.

В детстве мать не разрешала Эдварду заводить друзей и шастать по улицам без дела, поощряя только то, что приносило ей самой какую-то выгоду. «Ребёнок должен быть благодарен за дарованную ему жизнь и делать все во благо семьи», — внушала она сыну с малых лет. К своему стыду, Эдварду было мало одной только жизни. Он все время грезил о чем-то большем.

Эдвард обошел ствол высокой сосны, огляделся, как заговорщик, и скользнул под крышу уединенной беседки.

— Все чисто, — сообщил он сидящему на скамье Ацелю. — Думаешь, Чарли не придёт?

— Он сильно запаздывает. Боюсь, что мы могли его спугнуть, и теперь он нас изучает издали, присматривается — можно ли нам доверять?

— Хм... — подсел к нему Эдвард. — Жаль, что у миссис Мэллоу не нашлось какой-нибудь из его вещей. Нашли бы его по запаху и дело с концом!

В какой-то миг Ацель стащил перчатки и маскировка, делающая его похожим на человека и притупляющая органы чувств, стремительно пала.

— Прости, но как ты собрался учуять Чарли? — спросил Эдвард в любопытстве. — У тебя имеется ориентир?

— В парке сейчас не так многолюдно. — Ацель нахмурил свой ящеринный нос. — Я не знаю, какой запах у Чарли, но если в пределах нескольких метров появится человек, хранящий при себе запрещенные вещества, я смогу отличить его среди посторонних запахов.

— Интересно, какого это иметь суперобоняние? — не переставал изумляться Эдвард, наблюдая за тем, как Ацель медитативно принимает дыхание.

— Скажу только, что не всегда приятно...

Ацель вдруг вскочил, в спешке облачаясь в перчатки.

— Ты учуял его? — Эдвард высунулся из беседки, рыская глазами по редким силуэтам прохожих, надеясь, что поймет, кто из них Чарли.

Ацель не ответил. Он прогулочным шагом отправился вдоль аллеи, держа под надзором высокорослую фигуру в сером бомбере.

Преследуемый сдвинул козырек кепки на нос, прикрывая татуировку китайского дракона на затылке. Впалые глаза метали украдливый взгляд назад. Убедившись в слежке, мужчина прибавил шаг, ссутулившись в бессознательной попытке стать незаметнее, раствориться в толпе. Резко свернув на боковую аллею, он почти побежал, намереваясь юркнуть за угол маленькой кондитерской и затаиться там.

Ацель не мог его упустить. Он рванулся в погоню. Его звериный нюх различал малейшие оттенки в палитре запахов. Он чувствовал воздух, как музыкант ноты. Наркотики — словно усилитель вкуса в дешевых чипсах, ядовитая приправа, склеивающая все ароматы в приторную какофонию. Но натренированное чутье ящера и на этот раз не подвело.

— Попался! — Ацель схватил мужчину за плечо, намереваясь вывернуть ему руку и заставить подчиниться. Но, кажется, переоценил себя. Его соперник был многократно габаритнее и, очевидно, сильнее. Он развернулся и швырнул Ацеля на асфальт. Это было больно, но пришелец не растерялся и, прежде чем ему в лицо прилетел кулак, откатился в сторону. Он практически встал на ноги, когда две толстые руки впечатали его в стену кондитерской. Ацель хотел освободиться, выписав громиле удар коленом в живот, но тот даже сквозь боль не отпустил его, лишь напористее вцепился в ворот пальто.

Они кубарем опрокинулись на землю, где Ацель, к несчастью, оказался прижат усевшейся на него сверху тушей. Ненадолго разминувшийся с товарищем Эдвард застал дерущихся на этом моменте и, пока те не отколошматили друг друга до полусмерти, поторопился вмешаться.

— Стойте! — закричал он, словив в воздухе большой кулак. — Что вы делаете? Почему вы деретесь?

Ацель и незнакомец переглянулись и одновременно вскрикнули:

— Он первый начал!

— Эй! — заголосил Ацель в лицо громиле, недовольный, что его фразу украли. — Ты первый на меня напал!

— Это ты скрутил мне руку! — кипел возмущением тот.

— Но не я первый замахал кулаками!

— Ты преследовал меня!

— А ты убегал!

— Да, потому что ты побежал за мной!

— Я побежал за тобой, потому что ты побежал от меня!

— Ты вообще видел себя?! — пробурчал мужчина. — Ты похож на хипстера!

— Поосторожнее с выражениями! — предупредил Ацель.

Эдвард шлепнул себя ладонью по лбу:

— Ты даже не знаешь, кто такой хипстер!

Брыкаясь, Ацель, тем не менее, предосудительно покосился на юношу.

— Из этого гнилого рта едва ли вышло бы что-то, кроме оскорбления! Нет, я серьёзно! — перевел он косой взгляд на дерущего его за ворот мужчину. — Когда ты в последний раз чистил зубы? От тебя несёт, как от помоев!

— Нарываешься?

Тот чуть было опять не втащил Ацелю, а Эдвард снова попытался их разнять:

— Хватит! Вы даже не знаете, почему деретесь!

— Знаем! — отозвались голоса хором. — Потому что он мне не нравится!

Эдварду хотелось отметить обоим, но перспектива самому покалечиться в драке его не прельщала:

— И вообще... мы обознались! Он же совсем не похож на того, кого мы видели на фотографии! Кроме того, вы в разных весовых категориях! Ацель, то есть, Гордон! У тебя нет шансов против него. О чем ты только думал?

Эдвард потягал Ацеля за плечи, силясь извлечь из-под человека-громилы. И ему это удалось. Но не потому, что хватило сил. Просто громила вдруг оскорбился и поднялся сам, а с собой поднял в воздух и Эдварда.

— Наめкаешь, что я жирный? — потрянул он его, как котенка за шкурку.

— Нет, что вы! Произошло недоразумение! — извиняющимся тоном залопотал Эдвард.

Ацель был готов снова полезть в драку:

— Сейчас же отпусти моего друга!

— Отпущу, когда вы объяснитесь.

— Мы не желаем вам ничего плохого, — продолжил Эдвард. — Мы приняли вас за другого человека. Мы ищем некого Чарли Льюиса Мэллоу... внука госпожи Эмили Уилберсфорс...

— Чарли? Тот самый Чарли?.. Ха, понял. — Громила резко перегорел и поставил Эдварда на землю. — Так это вы звонили мне... Кто-то дал вам номер Чарли. Значит, та женщина, миссис... как там её? — Громила нагнулся, чтобы подобрать оброненную кепку. — Я поначалу решил, что вы «по делу», а оказывается, Чарли разыскивает семья! Ну что ж, в таком случае, у меня плохие новости. Он свалил из города три дня назад. Сказал, что хочет начать новую жизнь и всё такое.

— Как же так?.. — цокнул зубами Ацель.

— Мы были корешами, но даже мне он не оставил нового номера, — вздохнул громила на грани тоски. — Так что, извиняйте. Ничем не могу помочь.

Подровняв кепку, лысый громила присматривался к Эдварду, а потом свернул губы в трубочку в каком-то специфическом удивлении и несуразно наклонился вперёд:

— Эй, парниша, а я тебя раньше нигде не видел? — изучающе заморгал он.

Юноша попятился.

— Едва ли...

— Знакомая физиономия... Особенно глаза. А! Вспомнил! — победоносно щелкнул пальцами громила. — Ты же сыночек Рут?

Эдвард пошатнулся без кровинки в лице и проговорил:

— Вы... знаете... мою мать?

— Да, я познакомился с ней около года назад. Она часто о тебе вспоминала. Показывала фото. Ты там был таким мелким...

— Что?

— Мне дали всего несколько суток исправительных работ, а её посадили. Хочешь, дам адресок? Передашь ей от меня привет.

— Она... в тюрьме?

Эдвард долго пялился на мятый клочок бумажки с начирканным на нем адресом, и лицо его было блее первого снега. Он упустил момент, когда громила ушел и они с Ацелем остались вдвоем.

От странного чувства его отвлек отчаянный вопль:

— Мы опять ничего не узнали!

Эдвард сложил адрес в карман джинсов. Он был обескуражен, сбит с толку, но чтобы к нему было меньше вопросов — улыбнулся:

— Не переживай ты так. Возможно, миссис Мэллоу зря себя накручивает... и ничего ей... не угрожает, — перебивчато выразил он то, что хотел сказать, но мысли затянули его, и он вновь помрачнел.

Ацель серьезно пригляделся к нему:

— Эдвард...

— Да?

— Я думал...

Он выдержал тактичную паузу:

— ...Твоя мать умерла.

Юноша опешил:

— Давай... давай не будем об этом...

— Ты собираешься её навестить?

— Нет, вовсе нет!

— Но ты взял у него адрес.

— И что с того?! — Эдвард покраснел от напряжения.

— За что она сидит?

— Ацель!

— Что?

— Ты можешь помолчать?! — Эдвард не хотел этого, но он сорвался. — Какое тебе вообще дело?! Я же не спрашиваю тебя об Онгэ!

Последнее слово в гневной фразе обрушилось на Ацеля, словно ледяной душ, разбудив молчаливую ярость. Внутри него взметнулся, оцетинился дикий зверь. Пальцы судорожно сжали ткань пальто, превратив карманы в подобие смиренной рубашки для бушующих внутри эмоций.

Онгэ... Имя, звучавшее как священный оберег, имя товарища, союзника, брата по духу, товарища, вырвавшего сондэсианца из лап смерти и заменившего ему отца. Имя, согревающее душу теплом воспоминаний, но одновременно опаляющее ее жаром невыносимой вины. Это имя — зияющая рана, политая ядом и отравляющая настоящее. Она не оставляла сердцу Ацеля ни проблеска надежды на исцеление.

Ацель с трудом унял свои чувства и процедил:

— Болван. Когда кто-то умирает, вопросы теряют всякий смысл.

Глава 7. Полтергейст

В час, когда багрянец заката уступал место ночным потемкам, Ацель и Эдвард возникли на пороге особняка миссис Мэллоу, чтобы поделиться новостями и продолжить поиски улики. Пришелец был настроен пессимистично и не разделял животрепещущей энергии старушки, которая едва не задушила Эдварда в своих костлявых объятиях и теперь уже тянулась к нему.

— Как хорошо, что вы пришли, мальчики! — воскликнула она, хватая Ацеля и трепля его по волосам. — Ко мне давненько никто не заглядывал.

Ацель едва не задохнулся от густого аромата лаванды и спирта. Он почти не сопротивлялся, стоически перенося проявление нежности, что немало удивило Эдварда.

Кот по кличке Эспер по-прежнему сидел возле стеклянных дверей и не отрывал взгляда от расстилающихся по заброшенному саду теней приходящих сумерек.

— Ну, и как ваши успехи? — Старушка присела на самый краешек кресла в гостиной, будто боялась утонуть в нем и больше не встать, и принялась разливать заранее приготовленный черный чай по трем чашкам.

— В деле мы не продвинулись, — садясь на диванчик напротив, Эдвард искоса взглянул на Ацеля в поисках поддержки.

— Однако... — подхватил тот, — теперь мы знаем кое-что о Чарли. Ваш внук покинул город в день вашей последней встречи.

Два кубика сахара выскользнули из дрожащих рук старушки и с плеском утонули в чае, орошив белую скатерть мелкими брызгами.

— Надеюсь, с ним все в порядке?

— Человек, которому он отдал телефон, сказал, что Чарли решил начать новую жизнь. — Эдвард поднес чашку к губам и легонько подул, чтобы не обжечься. — Будем надеяться, у него все получилось.

— А что насчет его друзей?

— Я не думаю, что вы им интересны и что они вообще о вас знают.

— Значит, это не они следят за мной по ночам?

Ацель не успел ответить, как свет во всем особняке погас. Сначала в комнатах, а затем и во дворе — два наземных фонаря взорвались одновременно, и осколки, звеня, посыпались на землю, ударились о дверное стекло. Эспер покинул свой пост и разъяренно зашипел на нечто в темноте, сверкая желтыми, как луны, глазами.

— Ч-ч-что происходит? — Эдвард побледнел от страха. Он боялся пошевелиться, чувствуя, как мурашки бегают по спине, а выпрыскавшийся чай стекает по рукавам толстовки.

Миссис Мэллоу сдавленно ахала, хватаясь за сердце. Обезумевший кот запрыгнул на стол, разбив чайный сервиз и, вцепившись когтями в скатерть, грозно замыкал.

— Гордон? — Эдвард ничего не видел, и молчание пришельца лишь подпитывало его панику. — Скажи что-нибудь!

— Э-э... — сказал Ацель, запнувшись в попытке описать творившийся хаос. — Все... очень сложно.

Эдвард слышал, как с грохотом опрокинулся стул, и половицы старинного особняка жалобно закрипели. Ацель щелкнул выключателем, в рассеившейся светом тьме Эспер немного успокоился. По крайней мере, он перестал гоняться повсюду и застыл на полке, как статуэтка, изогнув спину дугой.

— Что это было? — Миссис Мэллоу отшатнулась от стола, судорожно сминая в пальцах подол халата. — Призрак? Неужели... Никогда такого не случилось!

— Ты видел его, Ацель? — Эдвард, наконец, поставил чашку, с опаской глядя на пришельца.

Тот нервно поправил очки, словно пытаясь прояснить зрение:

— Я все еще... вижу его.

Ацель никогда не расставался с очками. Только сон мог заставить его снять их. И хотя он был поклонником темного времени суток, светобоязнь не болел. Эти особые очки Ацель получил от капитана Онгэ еще в детстве, когда утратил зрение в следствие вынужденного пребывания на одной гиблой планете. Без этих высокотехнологичных очков мир распадался на бледные пятна, от которых кружилась голова. Лишенный красок и четкости, он превращался в уродливый калейдоскоп. Впрочем, если близ источника света оказывался какой-нибудь предмет, Ацель смутно различал его засвеченный силуэт.

Но, кроме того, что очки возвращали ему способность видеть мир наравне со всеми, они также позволяли ориентироваться в кромешной тьме и распознавать в энергетических сгустках цветовые сегменты. Некоторые бестелесные сущности являются в наш мир по ошибке, протискиваясь сквозь щели в материи Вселенной или пересекая границу через порталы в пространстве-времени. Как правило, каждый из них обладает своим уникальным цветом. Человеческий глаз не способен воспринимать весь спектр электромагнитного излучения. Но Ацель мог. И то, что он видел, его совершенно не устраивало.

Внезапно шкаф в углу гостиной с треском рухнул, доски сложились, словно дрова в костре, а книги разлетелись в стороны, выгнув переплеты. Пришелец отпрянул к стене - дверь справа от него с оглушительным хлопком распахнулась, будто от порыва ветра.

Не находя себе места, Эдвард наблюдал за другом и за его расширившимися, иступленными зрачками, что утратили всякую глубину и ясность много лет назад. Ацель, казалось, высматривал нечто невидимое, отчаянно уклоняясь от летящих в него предметов: картин с зелеными пейзажами, коллажей из черно-белых фотографий, горшков с драценой, японским каштаном, гортензиями и комнатным плющом. Очевидно, миссис Мэллоу была страстной любительницей растений, ведь даже рассыпавшееся вдребезги зеркало над камином было обрамлено позолоченной «виноградной лозой».

Старушка стояла в углу гостиной, съежившись и заслоняя руками седую голову. Тихие испуганные вскрики срывались с ее губ всякий раз, когда подлетала мебель.

Стараясь сохранить видимость хладнокровия, Эдвард шагнул к ней:

— Не волнуйтесь, миссис Мэллоу! Держитесь за мной. Ацель, кто это? — раздражился он отсутствием комментариев от товарища — единственного, кто мог дать ему ответ. — И почему *она* нападает на нас? Что ему нужно?

Эдвард запнулся, смущенный внезапной мыслью. Что-то в облике миссис Мэллоу было до странного чуждо, словно она лишилась чего-то жизненно важного, утратила ту самую искру, что делала ее собой.

— Ты пугаешь меня, милый! Что случилось?

— Ваша брошь...

— Что с ней? — Старушка растерянно ощупала грудь.

— Ее нет.

Эдвард не считал себя особо проникательным, но он был уверен: брошь для миссис Мэллоу — все равно что очки и перчатки для Ацеля. Предмет, настолько сросшийся с владельцем, что его отсутствие ощущалось почти физически, как потеря конечности. Это было...неестественно.

Пока бесплотный кошмар крушил все вокруг, Эдвард пытался понять, почему «полтергейст» (так он его обозвал) взбесился именно сейчас? Что послужило этому? Что стало триггером? Он был не рад им, как гостям? Но ведь в прошлый раз ничего подобного не было. И почему... почему Ацель так спокойно принял объятия миссис Мэллоу? В сердце закрадывалось зловещее подозрение. Эдварду не хотелось вкладывать в него больше веры, чем в Ацеля, которого он признавал лучшим другом, но у него не оставалось вариантов.

— Ацель? Почему ты молчишь? Что происходит?

Пришелец многое повидал на своем веку, но в жизни бы не подумал, что гнев такого хрупкого юнца окажется настолько страшен. Он испуганно обернулся, позволив фарфору со стуком разлететься о стену, в дюймах от его плеча.

— Где брошь миссис Мэллоу?

Ацель промолчал, но Эдварду и не требовался ответ. Вина черными буквами была начертана у друга на лице.

До последнего надеясь, что его подозрения не оправдаются, Эдвард подошел к нему вплотную и, игнорируя его немое возмущение, сунул руку в карман его пальто. Дрожа от стыда и горечи, он раскрыл кулак прямо перед носом Ацеля:

— Что это? Что брошь делает у тебя в кармане? Как ты мог украсть брошь у миссис Мэллоу? Мы здесь, чтобы защитить ее от воров! Получается... получается теперь мы сами воры!

— Эдвард, я... — лихорадочно соображал, что сказать Ацель. — Это недоразумение. Я просто хотел проверить теорию.

— Какую теорию?

— Видишь, *оно* успокоился! Понимаешь, что это значит?

- Нет!

- Сверхъестественная охранная система особняка. — Ацель пытался быть остроумным, но никто не смеялся. — Могу только позавидовать. Миссис Мэллоу! Поздравляю! С таким «сожителем» вам больше ничего не угрожает! Что ж, теперь, когда мы во всем разобрались...

Ацель намылился уйти, но Эдвард поймал его за шкурку, заставив согнуться в коленях.

— Прекрати! Что ты делаешь? Извинись перед миссис Мэллоу!

— С какой стати я должен извиняться? Я не крал брошь! Я же сказал, это часть моего гениального плана! Ай! Больно!

Ацель вырвался, оставив в руках Эдварда свое пальто.

— Ты мне не веришь? Не веришь своему лучшему другу? — перешел он в наступление.

— Это было низко, грязно и подло! Ты ничему не научился. Как был преступником, так им и остался!

Эдвард швырнул ему пальто, вернул брошь изумленной миссис Мэллоу и, обессиленный, опустился в кресло. Ему нужно было перевести дух.

— Неужели ты думал, что никто не заметит?

— Я же сказал, — хмуро поморщился Ацель, — я ничего не крал. Я бы отдал брошь, как только подтвердил свои догадки! Почему ты мне не веришь?

— Я вижу, когда ты врешь, — исподлобья смотрел на него Эдвард. — Да и как я могу тебе верить, когда ты постоянно нарушаешь свои обещания?

— О чем ты?

— Ты обещал, что больше не будешь использовать свои химикаты на людях. Но в тот день, во время потасовки в ресторане, ты усыпил посетителя! А если бы что-нибудь пошло не так? Если бы он привлек к разбирательству полицию? Что было бы тогда с нами? О каком доверии идёт речь, если ты постоянно меня подводишь? Как мне называть тебя другом, когда я не знаю, чего от тебя ожидать?

Странная разъедающая горечь ядом разлилась по телу Ацеля. Его сущность разрывалась между темными порывами души и отчаянной жадой прощения. Слезливые пасмурные глаза Эдварда налились свинцом, и от этого взгляда у Ацеля внутри все переворачивалось: будто смотришь не на человека, а в зияющую холодную бездну. Отдавшись своей гордыне, он злобно фыркнул и стремительно вылетел из гостиной, впуслав в дом простуженный дождём воздух.

Глава 8. Вина

Эдвард помогал миссис Мэллоу прибраться в гостиной, заодно дожидаясь, когда Ацель прибежит назад. Ведь он так не любил дождь! А за окном вовсю грохотала, неистовствовала гроза. Она взрывалась ослепительно-белыми молниями, гремела железной кровлей и хлестала тучи — черные как клубы дыма, — погоняя их вперед, прямо на Станвелл, точно беспощадный пастух крикливое стадо.

Эдвард иногда отвлекался на вид за дверьми, отделяющие его от буйства стихии толстым стеклом, на свое растущее в душе и в голове беспокойство. Но потом брал себя в руки и продолжал собирать осколки посуды в мусорное ведро. Так и сейчас, он засмотрелся на надломившуюся от порыва ветра ветвь в саду. Она отчаянно цеплялась за кованые края забора... Такая напряжённая, как рука... Черная рука.

— Мистер Лэйд.

От этого обращения Эдвард вздрогнул. Он уже свыкся с тишиной, которую хранила миссис Мэллоу, потому не успел подготовиться к диалогу.

— Можно просто Эдвард.

— Эдвард, — ласково улыбнулась старушка. Она бросила тряпку, которой протирала замызганный стол, и вздохнула: — Не вини себя. То, что случилось, не твоя вина.

Эдвард поставил ведро и поднялся сам.

— Простите, — пробормотал он, в который раз ища извинений. — Я в самом деле не знал, что Гордон позарится на вашу брошь.

— Я не об этом.

Миссис Мэллоу погрузилась в кресло, и старая пружина жалобно скрипнула под ее весом.

— Не в броши?

— Знаешь, мальчик, порой бывает и так: даже зная, что человек совершил ошибку, что он неправ и заслуживает порицания, мы, однако, находим вину в себе. Как ни крути, а мой Чарли... Он не ангел. Это правда. Но... всякий раз, когда мы с ним препираемся, мое сердце словно распадается на мелкие осколки. Мне кажется, что это я, как бабушка, не дала ему тепла, что-то упустила, где-то недоглядела. Будь я в тот раз с ним чуть мягче, уступи я ему хоть в малом... Может, тогда бы все сложилось иначе? Я бы сейчас не рвала себе сердце от беспокойства — как он и куда подевался?

Эдвард преисполнился сочувствием, он-то полагал, что старушка печется лишь о сохранности своих сокровищ, но сейчас к нему приходило понимание. Она могла бы поднять на Чарли полицию, объявить в розыск, но боялась подвергнуть его опасности. Поэтому и обратилась к ним, каким-то безвестным самонареченным «детективам», снискавшим славу в деле с «Городским воришкой».

— Значит, вы все же любите Чарли?

— Конечно, люблю. Какой бы он ни был, он в первую очередь мой внук.

Эспер спрыгнул с полки и, призывно мяукая, вскарабкался хозяйке на колени, где принялся активно кувыркаться, подставляя свой мягкий белый живот под сухонькую руку.

У Эдварда отлегло от сердца:

— Кажется, Эсперу стало лучше.

На губах старушки тоже мелькнула улыбка.

— Действительно. Не знаю, что вы сделали, но благодарю вас!

— Если честно, я сам не понимаю, что произошло, — признался Эдвард, смущенно принимаясь за отложенный веник, чтобы подмести разбросанную по ковру землю из опрокинутых полтергейстом цветочных горшков.

— Однако, — с хитрым прищуром воззрилась на него миссис Мэллоу, — про него вы с Гордоном говорили так, будто для вас это обыденность. Вам доводилось работать со сверхъестественным? И правда ли это был полтергейст? Я столько лет живу на свете, но с подобным никогда прежде не сталкивалась!

Сам собой Эдварду вспомнился случай на ксионском звездолете, когда их с Ацелем преследовала незримая сущность. Ацель окрестил ее «плазмойдом». Тварь вселилась в него, но проиграла в противостоянии с его волей. Во всяком случае, так казалось, и так продолжил считать Эдвард. Можно ли сказать, что у них с Ацелем действительно был опыт работы со сверхъестественным? Или пришельцы не в счет?

— Смотря, что так называть ... — глубокомысленно вымолвил Эдвард и снова активно заводил метлой.

— А кто же это, по-твоему, был?

— Я не знаю. Но Гордон должен был его видеть. Скажу вам по секрету... очки, что он носит, не совсем обычные. Они позволяют ему... э-э, как бы это сказать... воспринимать больше, чем человеческий глаз. Но, — всполошился Эдвард, засомневавшись в том, правильно ли было рассказывать об этом, — не говорите, пожалуйста, никому. Это тайна. Если Гордон узнает, что я раскрыл вам его секрет, он меня убьет.

Миссис Мэллоу так расхохоталась, что Эсперу стало неудобно и он скользнул с ее колен куда-то под стол.

— Я — могила. Но и ты, мальчик мой, будь добр, побереги мою тайну. Не хочу, чтобы у Чарли были проблемы с законом. Что, — она улыбалась, но губы ее дрожали грустью, — думаешь, это неправильно... покрывать преступника?

— Нет, что вы! — возразил Эдвард. — Я вас нисколько не осуждаю... И на самом деле... — Он оглянулся на царапающую забор черную ветку, и тоска одолела его — та же самая тоска, что прятала в глубинах своего сердца миссис Мэллоу. — Я вас очень понимаю.

Старушка проследила за его взглядом и закачала головой:

— Ну и буря! И не похоже, что она собирается затихать...

— Да уж, — вздохнул Эдвард. — Не уверен, что в такую погоду ходят такси.

— Тогда, может, останешься до утра? Наверняка, Гордон добрался до дома. Ты зря за него так переживаешь. Он уже взрослый человек. С ним все будет хорошо, — заверяла миссис Мэллоу, видя, что Эдварда мучают сомнения.

— Если я вас не потесню...

— Что ты, мальчик мой! В таком-то огромном доме! Я больше тебе скажу, я буду признательна, если ты составишь компанию одинокой старушке. Я и так страдаю бессонницей, а после случившегося... ух, сна мне не видеть!

Добродушие миссис Мэллоу разгоняло тучи в душе Эдварда. Он принял ее приглашение остаться на ночь. Они еще немного поболтали за уборкой и стали готовиться ко сну.

Проводив миссис Мэллоу наверх, Эдвард погасил свет и устроился на диване в гостиной. Он лежал, внимая грохочущему ветру за окном и борясь со своими мыслями за возможность отдохнуть. Но сон все не навещал его — черная ветка, отчаянно махавшая ему со двора, не давала покоя.

— Где же ты сейчас, Ацель?..

Капли дождя брызгами разбивались о затопленный фонарей асфальт. Ацель отыскал себе убежище под козырьком остановки. Он был единственным человеком, кто в такой поздний час и в такую неприветливую ночь проводил свое время на улице. Но тем было лучше для него — он не любил людей.

«Как мне называть тебя другом, когда я не знаю, чего от тебя ожидать?»

Эти слова врезались в его память, и, прокручивая их в голове, он все яростнее хмурился, злясь на свой поступок и на Эдварда, одолевшего его одним своим ледяным взглядом... Если Ацель что-то и уяснил из своих отношений с Эдвардом, так это то, что испытывать на себе его ненависть, подобно тому, чтобы словить простуду — безумно неприятно.

Ацель издал раздраженный рык и стукнулся затылком о стекло остановочного павильона, чтобы встряхнуть мозги, но пожалел об этом.

— Ай-яй... больно...

Он снял очки, протер пальцами глаза, вернул очки на нос и снова откинулся на холодное стекло, но теперь без намерений набить себе шишку. Его уныло-плавающий взгляд упал на рекламную брошюру со знакомым на ней портретом женщины...

— А, — вздохнул с изнеможением Ацель, — Мия Донсон... Она и здесь меня нашла...

Ветер трепал улыбчивый портрет красноволосой певицы, облаченной в вызывающий кожаный корсет. Ее лукавые карие глаза были так густо обведены гримом, что напоминали пустые глазницы фарфоровой маски. Как же она не нравилась Ацелю!

«Мы пришли с миром! — значилось на брошюре. — Впервые! „Go-go, Furry“ едут в Станвелл. Не пропустите легендарную концертную программу группы!»

— Интересно, Эдвард знает? — Ацель извлек из своего сдавленного горестью горла хриплый смешок, представляя, как юноша светится от восторга, что его любимая певица выступит в их городе.

Но настроения хватило лишь на короткую фантазию. Ацелю резко сделалось плохо, в грудь вонзилась колющая боль, и запыхавшая в венах кровь притупила сознание. С ним случалось такое время от времени, приступы повторялись с нечастой периодичностью и несильно докналяли ему. Они проходили за секунды или, максимум, за минуту, но сейчас дыхание пришельца перехватило, казалось, на куда более долгий промежуток времени. Ацель обессилил и повалился животом на скамью, стиснув ее всеми пальцами, чтобы удержаться за распадающуюся реальность.

На долю мгновения в зыбком зеркале мокрого асфальта ему явились отливающие песочно-бронзовой чешуей босые ноги, обмотанные пыльными бинтами. Они словно крались к нему из глубины отражения, но стоило взгляду заостриться на видении, как оно бесследно растаяло в блеске улиц.

— Ливара?

Ацель напряг зрение. Ливара — образ из его детства — исчезла, но галлюцинации не закончились. Тьма стусилась, и от нее повеяло леденящим душу холодом, мертвой пустотой.

— Опять ты... Исцеляющий миры...

Глава 9. Соседка

Ранним воскресным утром Эдвард покинул миссис Мэллоу и вызвал такси до Волкер-стрит, 2в. Буря стихла, но её мрачные тучи всё тем же серым саваном стлались по небу Станвелла, не пропуская ни единого лучика солнца. Дождь моросил, то усиливаясь, то почти замирая, не оставляя город.

— Спасибо, хорошего дня, — поблагодарил Эдвард водителя, расплачиваясь.

Он вышел из машины, накинул капюшон и пошёл к своему дому. Спалось ему этой ночью плохо, снов он не видел — только кошмары, — и от них по пробуждению в голове было как-то неясно, словно её набили ватой.

Эдвард вошёл на порог квартиры и сразу понял, что Ацеля в ней нет — такая тишина присуща её стенам лишь от одиночества.

— Куда же он мог отправиться? — задался он вопросом и сполз спиной по двери, чтобы сесть и без суеты поразмыслить. — Даже не представляю. Была бы у меня какая-нибудь зацепка...

И этой зацепкой для Эдварда стала Пенни Уоткинс. Нет, сама по себе девушка не имела никакого отношения к Ацелю, но вот её дар... Пенни не кичилась им, не возводила в ранг чего-то достойного хвастовства, однако Эдвард был поражён, когда узнал, что соседка, в которую он давно и безответно влюблён, умеет предсказывать будущее на картах. Она могла подкинуть ему подсказку, указать путь, где искать Ацеля. Эдвард волновался о нём не только как о друге, но и как о потенциальном интересе правительства. Бродить пришельцу по городу одному — опасно. Неизвестно, как отреагируют граждане Станвелла, если вдруг раскроется его истинная природа.

Двухквартирный дом Уоткинсов, копирующий несколько однотипных узких построек с темно-коричневыми крышами на Волкер-стрит, располагался прямо напротив того места, где проживали Эдвард и Ацель.

Калитка, ведущая в их дворик, была всегда открыта, чинить её было некому. В квартире внизу жил мужчина преклонных лет. Его звали мистером Траутоном, и он не интересовался ничем, кроме утренней почты. Мастеров на все руки в семье Уоткинсов тоже не водилось. Всякий раз, проходя мимо, Эдвард обещал себе исправить это, но всё никак не находил время.

Он зашёл на крыльцо, ловя себя на том, что благодарит Вселенную за возможность иметь в своем окружении людей, с которыми можно делить общую тайну. Уоткинсы были не просто в курсе, что Ацель не человек. Они знали о его тёмном прошлом, из-за чего между ними и Ацелем в своё время случился раздор. Хорошо, что люди они не злопамятные и смогли простить ему его ошибки, как и ошибки Эдварда, по своей наивности поддавшегося плохому влиянию космического пирата.

Юноша топтался на крыльце, раздираемый противоречивыми чувствами, ведь здесь обитал призрак его несбыточной мечты, девушка, чья симпатия оставалась для него недостижимой, как звезда на ночном небосклоне. Он хотел позвонить, но дверь раскрылась, и на ступеньки вылетел рыжий шпиц, а за ним вышел мистер Траутон в своём шерстяном пальто и чёрном шарфе, прикрывающим заплывшую в плечи шею. Мистер Траутон был человеком громким, иногда строгим, но беззлобным. Он кивнул Эдварду с улыбкой:

— Что-то ты зачастил к Уоткинсам.

Шпиц повертелся вокруг ног Эдварда, обнюхал его кеды и весело тяфкнул, поздоровавшись на своем собачьем.

— Да, — смущённо поскрёб затылок Эдвард. А что ещё он должен был ответить?

Мистер Траутон уставился на него с пытливым прищуром за очками:

— У них, видал, питомец новый завёлся. Станный такой. Не то пёс, не то лисица. Я всё хотел рассмотреть, думал, он сдружится с моим Бобби, — резко сменил он загадочный тон на приторно-сюсюкающий. — Да, да, Бобби, хороший мальчик!

— Да, слышал что-то такое...

— Расскажи хоть потом, что за зверь такой. Мне любопытно.

Эдвард вежливо согласился, сделав для себя мысленную пометку: «Впредь обходить мистера Траутона стороной и исключить из своего круга общения любопытных лиц вроде него».

Сосед отстал, пропустив Эдварда в подъезд.

Но решительно дойдя до двери квартиры номер два, юноша вдруг оробел. Приходить в гости к Пенни без сопровождения Ацеля было как-то... непривычно.

Медленно выдохнув, чтобы успокоить сердцебиение, Эдвард мягко коснулся двери костяшками пальцев и постучал. Но получилось так тихо, что вряд ли хоть одна живая душа его услышала!

Да что же это такое! Он пришёл к Пенни не на свидание, нет! У него к ней деловой разговор. Так что... Эдвард набрался смелости и пару раз громко ударил кулаком.

Когда миссис Хелен Уоткинс бывала дома, её голос раздавался задолго до того, как открывалась дверь. Руками же её дочери та отворялась бесшумно и неожиданно — Пенни имела предусмотрительную привычку притворяться невидимкой, пока не убедится, кто заявился к ней на порог. Она посмотрела сквозь глазок и, увидев Эдварда, подала признаки жизни: закопошилась, щёлкнула задвижкой и высунулась на лестничную площадку, бросая взгляды через плечо гостя.

— Привет, Эдвард, что-то случилось?

Эдвард на мгновение завис, как с ним всегда бывало при виде Пенни.

Её красота ошеломляла: золотой нимб непокорных локонов, ангельские черты, безупречная кожа. В такие моменты она казалась не земной девушкой, а дивным созданием, прибывшим из далёких галактик.

— Как ты это поняла? Тебе карты сказали? — удивился он глупо.

Пенни всегда забавляла его наивность, и она вяло хихикнула.

— Просто обычно ты не навещаешь нас без Ацеля, да ещё и без приглашения. — Фу, Кикки, нельзя! — легонько отпихнула она небольшого ушастого зверька, просунувшего свой острый красный носик через щель. Тот бунтарски пропищал продолжительное: «Кикикики» и повис на подоле её платья. — Заходи, не стесняйся. Я как раз собиралась поставить чайник.

Эдвард разулся, чтобы не наследить, — после дождя его кеды стали отвратительно грязными.

Домашний любимец Уоткинсов по имени Кикки, как и Ацель, был существом с другой планеты, но на Земле чувствовал себя прекрасно. Он не скучал по зелёным Гесокским лесам. Неудобные дупла в деревьях-гигантах ему заменили мягкие лежанки, а в боготворимом им хранилище запасов под названием «холодильник» имелась еда на любой вкус! Поэтому Кикки очень быстро избаловался и стал ещё более упрямым, чем раньше.

К Эдварду он относился равнодушно, в руки не шёл, но любил понаблюдать издалека. В отличие от земных животных, доманцевые кропусы (так звался вид, к которому принадлежал Кикки) умели вытягивать на своих мордочках нечто наподобие улыбки, причём выглядело это так ехидно, что Эдварду становилось неудобно. Кикки будто смеялся над ним и над его чувствами к Пенни. В этих алых глазёнках так и читалось: «Расслабся, дружище, у тебя нет шансов!»

Выдерживая на себе его взгляд, Эдвард устроился на кресле в гостиной, у круглого столика.

Поставив чайник на огонь, Пенни уселась на диванчик напротив и внимающее подперла щеку правой рукой. Она бесстрастно посмотрела на Эдварда, и тот понял, что девушка к нему ничего не испытывает. Эдвард сжал кулаки, пропуская через себя разряды эмоций, чтобы они вошли в землю и не заставляли его так по-детски краснеть.

— Ацель куда-то исчез, — сказал он тоном, которым врачи сообщают родным о смерти близкого человека.

— А? Исчез? Вы поругались?

— Вроде того...

— Мама говорила, что видела вас только вчера...

— Да, мы...мы приходили к ней в магазин, — скомкано ответил Эдвард.

— Тогда подавать в розыск как-то рановато.

— Прости?

Пенни достала колоду откуда-то из-под стола и улыбнулась:

— Подумаешь, повздорили, и он не вернулся к утру. Ацель не ребёнок, дорогу домой отыщет.

— Ты вторая, кто мне это говорит, — вспомнил Эдвард оптимистичные изречения миссис Мэллоу.

— Ты слишком его опекаешь.

— Ты не понимаешь, Пенни... — в возражении парировал Эдвард. — Ацель, может и взрослый, но он не человек, он пришелец, сондэсианец, черный ящер. Я знаю, что он не глуп, но достаточно безрассуден, чтобы совершить глупость. Не забывай, Пенни, мы все в одной лодке, связаны происшествием от тринадцатого июня. Проблемы Ацеля — это и наши проблемы.

На лбу Пенни выпрыгнула хмурая складка, которая делала её ещё милей.

— Прости, — извинился Эдвард за свой тон.

— И ты хочешь, чтобы я попросила карты рассказать тебе правду? — наигранно-таинственно произнесла Пенни

Эдвард округлился:

— Откуда ты знаешь?

— Не нужно быть гадалкой, чтобы понять, что у тебя в голове. Без обид, но ты не можешь прятать эмоции. Итак, — возгласила Пенни, выкладывая на стол карты.

— Что такое? — насторожился Эдвард изменившимся выражением на ее лице.

— Не хочу пугать, но Ацелю действительно грозит опасность. Как ты и говорил, опасность разоблачения.

— И что мне делать?

— Сейчас узнаем. — Пенни тщательно перетасовала карты. — Собака.

— Собака? К раскрытию тайны Ацеля причастна... собака?

Пенни отмахнулась, словно отгоняя глупую мысль.

— Не так буквально. Собака — символ верности, преданности, это — друг. Полагаю, решение вашей проблемы — в... дружбе.

— Не пойми неправильно, Пенни, я бы без проблем извинился, но...

Пенни перебила его взволнованный лепет.

— Дружба не в словах, Эдвард, она в поступках. Неважно, что ты скажешь, важнее всего — что ты предпримешь?.. М, это правда, что вы с Ацелем поймали городского воришку?

Девушка так внезапно перевела тему разговора, что Эдвард растерялся.

— Эм, ты и об этом знаешь? — посмотрел он на нее в замешательстве.

— Все сплетни в Станвелле текут прямиком в уши моей мамы. Так, значит, у вас теперь детективное агентство?

— Что? — Эдварду стало смешно. Он, конечно, сам шутил об этом с Ацелем, но даже не предполагал, что услышит это словосочетание из чужих уст. — Детективное агентство?

— Среди старушек вы очень популярны. Они только о вас и говорят.

— И что же они говорят?..

— Что вы довольно перспективное молодое агентство частных сыщиков.

— И все?

— Если ты про суперспособность Ацеля находить людей по запаху, то, не беспокойся.

Никто, — отрезала Пенни, — никто, кроме моей мамы об этом не знает!

Ну, конечно! Хелен Уоткинс. Другого ответа Эдвард не ожидал.

Так и... — соединил он руки на груди, — почему мы вдруг подняли эту тему?

Пенни провела ладонью по картам, собирая их в колоду.

— Я все думала про собаку.

— Про собаку?

— Ну, ту, что выпала в картах. И мне пришла в голову идея... Обоняние Ацеля не уступает собачьему.

— Да, и что? — не догонял Эдвард.

— Видишь ли, Эдвард, карты не умеют предсказывать будущее. Я все время об этом твержу, но меня никто не слушает. Карты — это просто символы, знаки, которые выпадают случайно и помогают моей интуиции сориентироваться в потоке зашифрованной информации, записанной в энергетических оболочках Вселенной. Вместо них я могла бы взять, например, справочник по высшей математики, но я не люблю математику и цифры, а еще я визуал. Поэтому предпочла гадальные карты.

— Окей, но причем здесь собака?

— Подсказки вселенной можно растолковывать по-разному. Один и тот же символ содержит в себе множество значений. Мы используем «собачьи» способности Ацеля, чтобы его найти. А, — Пенни услышала свист на кухне и весело вскочила, — вот и чайник закипел! Сейчас налью нам чай и все тебе расскажу!

Глава 10. Бродячий пес

Один за другим загорались фонари на незнакомом проспекте. Тучи неслись за солнцем на запад, а уличные птицы взывали к остаткам дня суетливым щебетанием. Когда Ацель проснулся, вечер понедельника вступал в свою силу.

Пришелец потерял счёт времени. Он в беспамятстве провалился на холодном асфальте в случайном тупиковом закоулке между двумя постройками. Здесь часто тусовалась асоциальная молодежь, и никто не удивился очередному «обдолбанному» типу в чёрном пальто и солнцезащитных очках в такой пасмурный день, как этот. Сквозь узкую щель, образованную двумя широкими козырьками, просвечивало синюшное небо.

— Что я здесь вообще делаю? — сонно проговорил Ацель, открыв глаза лишь для того, чтобы убедиться в том, что до сих пор жив. Он снова проваливался в сон, когда чье-то несвежее дыхание раздалось у него над ухом. Пришелец неприязненно закрылся руками, игнорируя раздражение извне.

— Аф! — Собака радостно тявкнула, смачно облизав собственный нос толстым слюнявым языком.

— Отвали, глупая псина!

— Аф! Аф!

Ацель нехотя привстал.

— Ну чего тебе от меня надо? — тяфкнул он в ответ.

Большая мохнатая собака сидела возле него, глупо высунув язык и виляя коротким хвостом. Многолетние колтуны свисали у нее с груди и живота бурыми сосульками. Отвисшие уши забавно болтались, когда собака трясла головой и вычесывала блох.

— И чему ты радуешься?

Ацель прислонился спиной к стене и принялся натирать очки о подол своего пальто, перебарывая одолевающую его слабость. Он не мог отвести жуткие мысли, не мог принять свое положение; он не был готов отказаться от прежней жизни, которую подарил ему Эдвард.

— Аф!

— И куда мне теперь деваться?

— Аф!

— Думаешь, он простит меня после такого? Я предал нашу дружбу, — замер в размышлениях пришелец и снова взорвался: — В свое оправдание скажу: я предупреждал его, что друг из меня выйдет так себе!

— Аф? — пролаяла собака, сосредоточенно вытянув лапы и опустив на них голову.

— Нет, я не могу. Я же сказал... И почему я вообще с тобой говорю, глупая псина? — с укоризной промолвил Ацель, надевая очки. Будучи внимательным слушателем, собака не смела перебивать, и следующий вопрос отразился на её морде безгласно, в попрошайническом взгляде.

— Нет у меня еды. Вали отсюда!

В животе у пришельца тоже заурчало, и он мрачно вздохнул, обхватив руками колени.

— Я и сам сейчас бы чего-нибудь съел. А ведь раньше неделями обходился без еды... Кажется, Эдвард меня избаловал. Только сейчас понял, что ни разу «спасибо» ему не сказал. Мне никогда не подступиться к нему — он слишком хороший человек. Мы с ним на разных берегах. Он незаслуженно добр ко мне, и от этого меня еще сильнее гложет вина. Хотел бы я сделать что-нибудь для него... в благодарность... за все. — Пришелец замолчал, снова впадая в задумчивость. — Прошлой ночью, на крыше, — продолжал он спустя момент, — я слышал голоса. Тварь внутри меня пыталась заглушить мое сознание, уничтожить мое «Я». Естественно, я не захотел ему уступать и попытался убить себя. Ну как попытался... Посмотрел

вниз и... испугался, вцепился в край козырька, хотя высота была относительно небольшая. — Ацель задрал голову к крыше здания, не веря, что мог испугаться. — Но тогда мне померещилась бездна... Видится мне, в конце концов, я все равно свалился. Иначе я не могу объяснить, как здесь оказался. Вот такой вот я трус! Так часто думал о смерти. С самого детства. Но почему-то, каждый раз, когда моя жизнь висела на волоске, — молил о пощаде, скулил и бежал, как глупая псина! Без обид, глупая псина! — ухмыльнулся Ацель на собаку. — Веришь или нет, раньше я работал в одной команде с теми, кто продавал таких, как ты, чтобы подзаработать. Хотя, — оценивающе присмотрелся к собаке Ацель, — такую старую клячу вряд ли кто-нибудь купит: тощая, грязная, беззубая. От тебя ни мяса, ни шерсти — никакой пользы не будет.

— Аф! — согласилась та, подползая ближе.

— Да уж, гордыня тебя не мучает.

— Аф!

— Не буду я тебя чесать. Ты себя-то видела?!

Собака резво вскочила на лапы и, разлаившись, запрыгала на месте. Впившись клыками в пальто пришельца, она повлекла его встать, приглашая так поиграть с ней.

— Отвали! — отпихивался Ацель, чем сильнее раззадоривал животное.

Когда пришелец выставил руку, чтобы отделаться от собачьей морды, перед ним щелкнула слюнявая пасть, и одна из маскировочных перчаток очутилась у собаки во рту.

— Глупая псина! — закричал он, судорожно хватаясь за другой край перчатки, пока еще было что спасать. — Если ты испортишь мою перчатку — я за себя не ручаюсь!

Маскировочная система Ацеля дала сбой, правая половина его тела, начиная от руки, стремительно покрывалась чешуей.

Собака взвизгнула, перепуганная метаморфозой, и пустилась наутек, крепче зажав между зубами высокотехнологичный инструмент маскировки.

Она протиснулась через оборванный угол в сетке забора, которым заканчивался тупик переулка, оставив Ацеля метаться в панике.

— Стой же!

Ацель перелез через забор за мохнатой похитительницей.

Запах собачьей шерсти и слюны имел специфический оттенок. После столь близкого знакомства с ними трудно было потерять след.

Он удачно преодолел развилку улицы и спрятался за мусорными баками.

— Черт, — выругался Ацель. — Слишком много людей.

Единственный выход — взобраться на крышу и продолжить путь поверху. Но для этого требуется избавиться от второй перчатки. Кроме того, среди бела дня проворачивать подобное опасно, нет гарантии, что горожане не заметят шныряющего над их головами чёрного ящера. Ацель угодил в западню.

— Проклятье! — скрипел он зубами, чувствуя, что с одной стороны они становятся острее и жёстче. Он схватился за правое плечо, словно силясь сдержать расползающуюся чешуйчатую заразу. Если под пальто ее еще можно хоть как-то утаить, то на лице скрыть метаморфозу будет уже невозможно.

Ацель услышал стук каблуков, и, чтобы не попасться, побежал в противоположное направление от того, куда удрала собака.

Притаившись за очередным углом, он паниковал все больше.

Долго играть в прятки с прохожими он не сможет. Рано или поздно кто-то заметит странности в его внешности, вспомнит про инопланетян.

— Глупая псина, вот поймаю тебя и отправлю на суп! — Ацель выдал ругательство и резко заткнулся. Ему в ноздри ударил запах крови. Он отвлек пришельца от бранных мыслей и заставил родиться новые — тревожащие сердце. Больше всего пугало то, что запах этот Ацелю

был хорошо знаком. Чтобы проверить себя, он снял вторую перчатку и принялся. Так и есть! Пахнет кровью Эдварда! Ацель так много экспериментировал с ней в свое время, что сейчас просто не мог ошибаться!

Ацель преодолел половину улицы, благодаря дождь за устроившую для него завесу, под которой люди не осмеливались поднять головы и взглянуть ему в лицо, предпочитая тесное соседство с зонтом.

Запах крови становился все более стойким, даже терпкий аромат пропитавшейся влагой почвы не мог помешать Ацелю идти по следу.

— Где-то здесь...

Дальше проходила большая дорога и трамвайные пути, выйти на люди было бы самоубийством. Но... если Эдвард в беде. Ацель сжал зубы, собираясь покинуть укрытие. Не успел он высунуться, как путь ему перегородила невысокая фигура под капюшоном, оцепеневшая так же, как и он сам.

— Эдвард? — изумился пришелец.

Ацель не поверил своим глазам. Это и вправду был Эдвард. Но как он здесь оказался? И почему эта грязная псина трется о его джинсы?

Виляя хвостом, собака радостно тявкнула, довольная, что к ее забаве присоединился еще один человек.

Эдвард оправился от неожиданности и протянул Ацелю перчатку:

— Надевай скорей, пока тебя кто-нибудь не увидел.

Ацель не сразу принял ее, застопорившись взглядом и чувствами на окровавленной повязке, замотанной вокруг ладони Эдварда.

— Что у тебя с рукой?

Краснея, Эдвард посмеялся:

— Ничего особенного. Порезался. Не забивай голову.

— Как ты меня нашел? — Ацель опустил взгляд на собаку и подумал, что все понял: — Глупая псина была твоей идеей?

Эдвард покосился на собаку, резвящуюся вокруг него.

— Может быть... — неоднозначно протянул он и разгорячено потряс перчаткой. — Уже неважно, надевай перчатку!

Ацель возвратил свой человеческий облик, но не успокоился. Даже когда Эдвард сказал ему «пойдем домой» и направился к пешеходному переходу, он продолжил стоять, где стоял, будто прирос спиной к стене.

Эдвард понял, что Ацель ни на миллиметр не сдвинулся, и со вздохом полез в рюкзак, откуда достал складной зонтик. Он раскинул его над головой и крикнул пришельцу:

— И долго ты намереваешься мокнуть под дождем?

Собака обрадовано заголосила, решив, что ее зовут поиграть. Она весело подбежала к Эдварду, пачкая лапами его джинсы.

— Прости, дружище, — присел тот на корточки, чтобы потрепать густую собачью шерсть. — Я не могу забрать тебя с собой. Ты слишком большой для моей квартиры. Хотя... — губы Эдварда вытянулись в загадочной улыбке, — если Ацель не захочет жить со мной, для тебя освободится местечко...

— Вот еще! — выскочил Ацель под дождь. — Чтобы я уступил свое место глупой псине?

Эдвард отпустил собаку и встал, смеясь, приглашая Ацеля под зонт:

— Тогда поспеши, пока твое место кто-нибудь не занял.

Ацель медлил, позволяя дождю растекаться у него по переносице:

— Ты уверен?

— В смысле?

— Разве ты не злишься на меня?

Эдвард не дождался, когда Ацель встанет под зонт, и, привстав, чтобы достать его роста, накренил над ним тент.

— Я злился. И очень сильно. Но... я уже простил тебе слишком многое, чтобы не сделать это еще раз.

Ацель обвил пальцами ручку зонта:

— Позволь мне.

Эдвард кивнул и отдал ему зонт.

— Но не думай, что если я простил тебя, я закрою глаза на то, как ты обидел миссис Мэллоу, — убрал он улыбку. — Тебе повезло, что она вошла в наше положение и не стала поднимать шум. Зачем ты вообще это сделал, Ацель? Для чего украл у миссис Мэллоу брошь? Ты хотел продать ее?

Ацель виновато отвел взгляд:

— Это бы легкий способ заработать.

— Не знал, что ты настолько алчный.

— По-моему, это ты бесперерыва талдычишь о деньгах, точнее о том, что у нас их нет, — изрек пришелец хмуро. — Я хотел угодить тебе. От старушки не убыло бы. Зачем ей столько богатства? Уж не на тот свет ли она собралась его утащить?

Эдварду потребовалось время, чтобы переварить слова Ацеля. Почему-то правда скорее польстила, чем разозлила, и неконтролируемая улыбка тронула его губы.

— Ну и болван же ты, — произнес он, выдохнув. — В следующий раз, когда вздумаешь мне угодить, сперва осведомись — нужно ли мне это?

Ацель понуро смотрел в пол, сминая ткань кармана.

— Я понял...

— Спроси сейчас.

Ацель удивленно вскинул глаза.

— Что?

— Спроси сейчас, как мне угодить? Ты же хочешь загладить свою вину?

Ацель кивнул так торопливо, словно мог опоздать с ответом и лишиться всего.

— И как же мне это сделать?

— Извиниться.

— Эм, извини.

— Да не передо мной! — Эдвард покачал головой с укоризной. — Завтра вечером мы снова едем в гости к миссис Мэллоу, и ты принесешь извинения ей. А до тех пор у тебя будет время придумать, что именно ты ей скажешь. Постарайся, чтобы я остался доволен твоей речью.

— Ты уверен... что этого хватит?

Эдвард снова улыбнулся, и тяжесть, лежавшая на сердце Ацеля, отступила.

— Я знаю, как тяжело тебе даётся раскаяние. Поэтому — вполне. А пока надо придумать, что делать с псом... — Эдвард вдруг осознал, что уже пару минут не слышно ни звонкого лая, ни радостного стука хвостом об асфальт. — Эй, а куда он делся?

— Вероятно, понял, что его место занято, и ушел, — с невозмутимым видом произнес Ацель, и довольная ухмылка завернула уголки его губ.

— Как жаль, что он убежал, — грустно осматривал Эдвард дождливые улочки. — Я хотел его покормить.

— Вот и отлично. В таком случае, его порция достанется мне!

Эдвард взглянул на Ацеля со снисходительной улыбкой:

— Иногда мне кажется, что у меня уже есть питомец...

— Что? — не сумел вникнуть в смысл его слов пришелец.

— Ничего, Ацель, ничего.

Глава 11. Дело о застывшем коте и призраке

Несмотря на то, что на учёбе день понедельника выдался тяжелым, да и подработка измотала сильнее обычного, Эдвард остался верен своему слову. Вечером он с Ацелем поехал в особняк миссис Мэллоу с четким намерением прояснить ситуацию как для самого себя, так и для несчастной старушки. Потому что единственным, кто располагал деталями дела о «застывшем коте и призраке» (Эдвард уже фантазировал, как напишет рассказ под этим названием), был, конечно же, его друг. Пришелец до последнего упорствовал и ничего не говорил, оправдываясь, что ему лень объясняться дважды, мол, «узнаешь все на встрече со старушенцией». В общем, всячески вредничал и подкидывал огня в любопытство Эдварда.

Неудивительно, что тому было невтерпёж скорее усадить его в гостиную. Но перво-наперво нужно было извиниться перед миссис Мэллоу. Вопиющий поступок Ацеля несколько не испортил её доброго расположения к ним. Она широко улыбалась искусственными зубами и, хлопоча за чаем, восклицала:

— Как я рада, что вы пришли!

Ацель сидел и нервно постукивал ногой, так и мечтая удрать.

— Вы серьёзно? У вас что, проблемы с памятью? Вообще-то, мы вас ограбили.

Эдвард воскликнул в протесте:

— Во-первых, это было грубо! А во-вторых, это ты украл брошь! Поаккуратнее с местонаимениями!

— Пф! — Ацель сложил руки, ожидая упрека и со стороны миссис Мэллоу, но счастье старушки было несокрушимо.

— Всё в порядке, я не в обиде.

— Мы рады это слышать, — ответил за друга Эдвард. — Однако, прежде чем мы перейдем к обсуждению итогов нашего расследования, — напустил он на себя важность следователя, — Гордон хочет сказать вам кое-что. Так ведь, Гордон?

— Что? Нет.

Эдвард толкнул пришельца локтем в бок, и тот быстро исправился:

— Ах, да, в самом деле. Дырявая моя голова!

Эдвард и миссис Мэллоу заждались его речи, которая всё не начиналась.

— Кхм, уже пора, — подсказывал ему шепотом Эдвард.

— В общем... Я обычно такого не говорю, но мой друг...

Ацель снова получил удар по рёбрам, и из него, как ком шерсти из желудка кота, выско-
чило:

— Извините.

— Это всё? — моргнул на него Эдвард.

— Ну да.

— Когда мы репетировали, твоя речь была длиннее.

Ацель развел руками:

— Краткость — сестра таланта!

Эдвард мысленно досчитал до десяти, чтобы не вклеить товарищу по наглой роже. Если бы миссис Мэллоу не засмеялась — видит бог — он бы так и сделал!

Но так уж повелось, Эдвард не мог злиться в комнате, где звучал смех.

— Ладно, теперь о насущном, — решил он не заикливаться на поведении Ацеля. — Я сам толком не понимаю, что произошло в тот вечер, но... — Он вопросительно взглянул на пришельца.

Тот, подавшись вперед и поставив локти на стол, продолжил его мысль:

— Но я могу рассказать вам свою версию произошедшего.

Миссис Мэллоу от его серьёзного тона притихла с чашкой чая между ладоней.

— Большинство сознательных живых существ в моменты эмоциональных потрясений преодолевают свои физические ограничения, — начал Ацель издали, отчего недоумение Эдварда и миссис Мэллоу выросло до гробового молчания. — Возможно, вам доводилось слышать истории о матерях, которые, спасая своих чад, взваливали на плечи неподъемную ношу, такую, что и двое дюжих мужчин не осилили бы. Эту силу им даровал страх, подпитанный переживанием о близком сердцу человеке. Он превращает хрупкого смертного в супергероя.

— А призраки здесь причем? — нарушил тишину Эдвард, озвучив вопрос, что робко дрожало на устах миссис Мэллоу. — И почему ты вдруг стал такой мелодраматичный?

Ацель задумчиво поправил очки.

— Когда смерть настигает человека внезапно, скажем... в результате трагической случайности... если его земные дела остались незавершенными, если они терзали его душу при жизни — после его ухода может возникнуть... призрак. Или, выражаясь языком науки, — из его тела высвобождается особая энергия, способная некоторое время проецировать живые чувства человека вне физической оболочки. Чистые эмоции, существующие вне тела, вы только представьте? Иными словами, — заключил Ацель, сцепив руки в перчатках, — призрак оберегал вас и ваш дом, миссис Мэллоу. Это подтверждается и тем, что когда... когда я похитил вашу брошь, он воспринял меня как врага и пришёл в ярость.

Сверкая слезинками в уголках глаз, миссис Мэллоу схватилась за драгоценный камень, который прицепила на воротничок халата сразу, как только получила его обратно.

— Мой отец? — предположила она и ласково заулыбалась памяти о давным-давно погибшем мистере Мэллоу. — Я знала, что он никогда меня не оставит.

Эдвард был тронут, а вот на Ацеля что-то нашло, он побледнел и вылетел из-за стола, бросив приглушенное:

— Я на перекур!

Пронаблюдав за его побегом через стеклянные двери в сад, Эдвард едва не свернул себе шею.

— Но ты же не куришь!

— Что это с ним? — промакивала слезы платком миссис Мэллоу.

— Простите, — извинился Эдвард, резко вскакивая. — Я на минутку!

Вся эта ситуация ему напоминала позавчерашнюю перепалку... Поэтому на улицу он выбежал, вовсю возмущаясь:

— Ты опять за старое! Мы же договорились, что ты расскажешь всё миссис Мэллоу!

Ацель стоял, впившись обеими руками в ограду крыльца, и хмуро поглядывал в землю.

— Я не думал, что мне будет так тяжело это сказать...

Эдвард догадался, что дело важное.

— Сказать что? — осторожно поинтересовался он.

— Я надеялся, что мои догадки не подтвердятся, но сегодня днем, пока ты был на работе, я нашёл в интернете информацию о мужчине, чья машина опрокинулась с обрыва на подъёме в Уэльских горах... Его труп ещё не был опознан, но... помнишь фотографию, что нам показывала миссис Мэллоу? Красный Роллс-Ройс.

— Не может быть! — Эдвард остолбенел.

— Да... Я думаю, это был он, Чарли...

Ацель и Эдвард и допустить не могли, что старушка решит их подслушать. Они узнали об этом, только когда за их спинами раздался громкий «ах» и следом подрывающий сердце грохот. Миссис Мэллоу лежала на полу без кровинки в лице.

Была поздняя ночь, Ацель и Эдвард выжидали за дверьми палаты, в которую поместили миссис Мэллоу. Ацеля клонило в сон, но он всячески старался не подавать виду, чтобы не расстраивать Эдварда, ведь тот места себе не находил от беспокойства и не планировал покидать больницу, не удостоверившись, что со старушкой все будет хорошо. Потому Ацелю пришлось мириться с неудобством пластмассовых сидений, в которых не вздремнуть, не расслабиться.

По-крайней мере в коридоре было чисто и пахло хлоркой — это его утешало.

Стадия бессмысленного вышагивания Эдварда взад-вперед закончилась и теперь перешла в трагично-философские монологи с самим собой и перечитывание по десятому кругу роковой новости, которая еще какое-то время назад не касалась ни его, ни миссис Мэллоу.

Он рассматривал размытое фото на экране телефона, сопоставляя его в памяти с тем, где Чарли был еще жив и весел. Одно приносило ему какое-никакое успокоение:

— Это что же, получается, жизнь после смерти реальна?

— К сожалению, — напомнил о себе Ацель.

Эдвард отвлекся от телефона и прояснил свой взор на пришельце, в невесть какой раз меняющим позу, чтобы продолжить сидеть дальше без ущерба для спины.

— Призрак, которого ты видел в доме миссис Мэллоу... как он выглядел? Был похож на Чарли?

— Хм, частично. Я бы сказал, что он имел человеческие очертания. Ну, до той поры, пока я не стащил брошь и он не взбесился. Тогда его образ размылся и стал бесформенный.

— Прямо как тот плазмод, который преследовал нас на звездолете Адама? — пытливым шепотом спросил Эдвард.

— Ага. Вроде того. — Ацель потянулся и лениво откинулся на стуле. — Мы раскрыли дело, но почему-то радости от этого я не испытываю.

— То же самое...

— Если старушенция помрет, кто нам заплатит за работу?

— Ацель! — Эдвард стрельнул в товарища убийственным взглядом.

— Да шучу я, шучу, — улыбнулся тот. — Просто хотел немного тебя встряхнуть, пока ты тут сопливой лужей не размазался. Мы знаем эту старушенцию от силы три дня, не стоит к ней так привязываться.

Эдвард спрятал телефон в карман и вздохнул:

— Ты же сам говорил, что эмоции делают нас сильнее.

— Это так. Но если растрачивать их на каждого встречного, то никаких нервов не хватит.

— Что же, мне теперь за нее не переживать? — не соглашался Эдвард. — Она была так мила с нами.

Ацель прикрыл глаза, будто засыпая.

— Переживай, если хочется. Но не во вред себе.

Когда он, наконец, нашел вполне сносное положение, чтобы поспать, Эдвард поставил его на ноги восклицанием:

— Это врач!

Дверь палаты открылась — удивительно бесшумно — и к ним подошел мужчина в белом халате. Он спустил одноразовую маску с лица и вдохнул в легкие хлорированного воздуха.

— Вы опекуны миссис Мэллоу?

Эдвард кивнул бесчисленное количество раз.

— Да, да, как она?

— С миссис Мэллоу все нормально. Думаю, она потеряла сознание из-за сильного стресса. Оно и не удивительно, узнать о смерти сына — это большая травма для психики...

Получив разрешение проведать миссис Мэллоу, Ацель и Эдвард незамедлительно зашли в палату.

На больничной койке, под белоснежным одеялом, покоилась немощная старушка, совсем не похожая на ту возвышенную даму, что привечала их в особняке. От вида ее изможденного лица и впалых щек у Эдварда перехватило дыхание, а к горлу подкатил ком. Тонкая игла катетера соединяла сухонькое запястье с капельницей.

Эдвард приблизился к кровати и бережно, словно боясь переборщить с силой и навредить, взял ее руку в свою.

— Миссис Мэллоу, это я, Эдвард. Мы здесь, — произнес он тихо, вкладывая в голос всю теплоту и поддержку, на которую был способен.

Веки миссис Мэллоу дрогнули, и в глубине ее потускневших глаз вспыхнула искра сознания.

— Мой дорогой Чарли... Он... он действительно?... — прошептала она рвущимся от печали голосом.

— Да, миссис Мэллоу, нам очень жаль...

Одинокая слеза прочертила бледную щеку миссис Мэллоу и скользнула в подушку.

Не зная, какие слова утешения могли бы заполнить зияющую пустоту утраты, Эдвард боролся с желанием расплакаться.

Не отходя далеко от дверей, Ацель созерцал все со стороны и молча давился обилием драмы.

— Если вы закончили, то может, уже пойдем? Скоро будет так поздно, что такси не вызовет.

— Ацель, поймей совесть... — буркнул на него Эдвард.

— Нет, он прав, — слабо улыбнулась старушка. — Твои слезы не помогут мне поправиться.

— Можно я выйду, меня сейчас стошнит? — Ацель повернулся к ним спиной и вцепился в дверную ручку.

Миссис Мэллоу коснулась груди в поисках любимой броши. Не обнаружив ее, она встревожилась.

— Должно быть, врачи забрали...

— Миссис Мэллоу, вам нельзя волноваться! — мягко предостерег Эдвард.

— Спасибо, мальчик мой, я знаю, — она легонько похлопала его по руке. — Не затруднит ли тебя попросить врача вернуть мне мои вещи? Я переживаю о своей броши.

— Замечательно! — живо воскликнул Ацель. — Я этим займусь!

Воспользовавшись предлогом, пришелец юркнул за дверь.

Вскоре он честно вернулся с коробкой вещей.

— Моя брошь... — приподнялась миссис Мэллоу, — она там?

— Да, — подтвердил Эдвард, раскрыв коробку.

— Дай мне ее скорее!

Завладев своим сокровищем, старушка умиротворенно вздохнула. Изумрудные перекиды отражались на белых простынях, мерцали в ее слезливых глазах.

— А теперь нам пора! — поторапливал товарища Ацель.

— Да, пожалуй... — Эдвард нерешительно встал, наблюдая, как миссис Мэллоу любуется брошью. В этом взгляде не было и тени алчности. Она смотрела не на драгоценный камень — ее взор был устремлен вглубь, в мир воспоминаний о близком человеке, туда, где она вновь становилась маленькой девочкой, безраздельно любимой дочерью и самым дорогим сокровищем в жизни отца.

Эдвард не выдержал накала эмоций и покраснел от слез.

— Постойте! — задержала их миссис Мэллоу. — Я забыла вам заплатить.

— Не... не стоит! В конце концов, мы больше насолили вам, чем помогли.

— Я так не считаю! — настаивала старушка, побуждая Эдварда подойти к ее койке. Она беспардонно схватила его руку, повернула ладонью вверх и вложила в нее холодный камень, проговорив с улыбкой:

— Думаю, это будет достойная плата.

— Но миссис Мэллоу! — был ошарашен Эдвард. — Это же ваша брошь! Ее подарил вам отец! Она... она... В общем, я не могу ее принять!

— Тогда я очень обижусь, — несчастно повела седыми бровями старушка.

Ацель придерживался иного мнения:

— Мы с благодарностью принимаем оплату!

Он без сомнений и угрызений совести присвоил себе камень.

Эдвард даже не сразу опомнился от его дерзости:

— Но Ацель, мы не можем!

— Можем! Мы раскрыли дело и заслужили награду. И не смотри на меня так, будто я пытаюсь кого-то облапошить. Любая работа должна оплачиваться! Между прочим, призрак мог меня и убить. Как по мне, *бесценный камень* идеальный вариант, чтобы компенсировать риск, которому я подверг свою *бесценную жизнь*!

Хотя Ацель и преувеличивал, в его аргументах была правда, которая помогла Эдварду принять решение.

Позже той же ночью, они ехали домой на такси, за которое пришлось отвалить несусветно большую цену, а вдалеке проносятся городские огни... Время от времени Эдвард доставал из сумки брошь, проверяя — не потерял ли ее, и сейчас в раздумьях загляделся на камень.

Таксист тоже присмотрел драгоценность, его жадные глазенки мигали в зеркале на переднем сиденье.

Заметив это, Ацель рявкнул:

— Чего уставился?

Взгляд сразу пропал, а Эдвард очнулся.

— Что?

— Дай сюда! — Ацель отобрал брошь и спрятал за пазухой. — Так будет надёжнее.

Такси помчалось мимо городских часов, светящих желтым циферблатом.

— Блин...

— Что такое?

— У меня через четыре часа будильник, — изрек Эдвард, сонно приспустив веки.

— Сочувствую.

— Тебе хорошо, никуда не вставать, можно спать до обеда...

Ацель издал усталый смешок, но тишина проглотила его, и он приуныл:

— Извини.

Эдвард распахнул на него глаза:

— За что?

— Извини, что не смог извиниться перед миссис Мэллоу как следует.

— Постой... ты извиняешься за то, что не смог извиниться? — Эдвард вдумался в эту фразу и сразивший его смех прогнал всю сонливость. — Ну ты даешь, Ацель!

Глава 12. Потраченное время

Как ты, говоришь, называется эта игра? — спросил Ацель, когда Эдвард вручил ему мяч. — Бейсбол. Только у нас не хватает человек в команде, поэтому мы будем просто кидать мяч.

Ясная погода не покидала Станвелл три дня подряд, что воодушевило Эдварда не просиживать выходные дома, а выйти на свежий воздух.

Вообще-то, если уж речь зашла о спорте, он был фанатом американского футбола. Хотя чаще смотрел его по телевизору, чем играл сам. В его старой школе был целый спортивный клуб, который два раза в квартал проводил соревнования между учреждениями. Бейсбол там любили не меньше, в него заставляли играть всех, независимо от желания, поэтому у Эдварда была возможность поднатаскать себя и в этом виде спорта.

Ацель без энтузиазма посмотрел на мяч в своей руке:

— И это должно быть весело?

— Ну да, — ответил Эдвард, поднимая битку. — Правила просты. Ты бросаешь мяч, и если я его отбиваю, то получаю очко, если нет, оно засчитывается в твою пользу. Будем играть до десяти попыток. Кто наберет больше очков, тот и победитель.

Он встал в позу, сосредотачиваясь на скрипе, с каким перчатка Ацеля стиснула мяч.

— Ну же, бросай, не томи! — томился нетерпением Эдвард.

Пришелец вытянул руку и... разжал пальцы. Мяч грузно и лениво шлепнулся на землю возле его ботинок.

Ощущая, что зря потратил боевой дух, Эдвард опустил битку и скосил на пришельца взор, переводимый как:

- И что это было?

Ацель сложил руки в карманы пальто:

— Я бросил мяч. Ты не отбил. Значит, я победил.

— Ты... ты его не бросил! А просто уронил. Ладно, эта попытка не считается! — Эдвард снова вооружился битой, готовый показать мастер-класс: — В этот раз, пожалуйста, бросай нормально!

Ацель замахнулся, и мяч, как обговаривалось, полетел, но не туда, куда следовало.

— Зачем ты кинул мяч себе за спину?

— А ко мне какие претензии? Ты не уточнял, в каком направлении нужно его бросать!

Эдвард таранился на Ацеля, не в силах уразуметь — Ацель правда не понимает или просто дурит? Он медленно вдохнул и также медленно выдохнул, чтобы сохранить спокойствие.

— Я забыл уточнить, что мяч должен перелететь меня. Иначе — очко никому из нас не засчитывается.

— С этого и надо было начинать!

Ацель отвел локоть назад с такой яростной энергией, что Эдвард невольно взъерошился. Он выставил битку, уже сожалея о том, что выбрал Ацеля в соперники.

Мяч со свистом взмыл в небо, да так высоко, что Эдварду даже не пришлось напрягаться. Отбить его было невозможно!

— Тебе бы ракеты запускать, а не мячи, — вздохнул он, втянув голову в плечи, когда мяч пробил навес торговой лавочки и оставил в нем дыру. С бранью и шишкой под шапкой торговец выскочил из нее и стал озираться в поиске хулиганов. Эдвард испугался, что их наругают, и надвинул капюшон на лицо. — Пожалуй, сменим локацию, — развернулся он шагом прочь и спрятал битку под куртку.

Они углубились в парк, подальше от свидетелей их «великолепного» противостояния в игре.

— Давай-ка лучше я буду на подаче, — предложил Эдвард, обмениваясь с Ацелем спортивным инвентарем.

— Как скажешь, — отозвался тот.

— Ты уверен, что понял, что от тебя требуется?

— Абсолютно.

— Тогда... тогда, может, хотя бы поднимешь биту?

Ацель перестал опираться на биту и неловко взметнул ее в воздух. И все бы ничего, если бы он сделал это хоть сколько-нибудь правильно.

— Ты же не олимпийский огонь несешь... Держи двумя руками. Другой стороной!

— А, понял!

— Точно?

— На все сто и десять процентов!

Эдвард не стал придирается к позе Ацеля, довольствуясь тем, что пришелец хотя бы разобрался с тем, как держать биту.

— Принимай! — выкрикнул он, посылая мяч в полет.

Ацель легонько взмахнул битой, и мяч с глухим стуком отскочил, едва не задев Эдварда.

— Неплохо для новичка... — удивился Эдвард, — но это была лишь разминка. Посмотрим, как ты отобьешь эту подачу!

Зевая, Ацель будто случайно подставил биту под мяч.

— Тебе просто повезло! — проворчал Эдвард, разгораясь азартом соперничества.

Снова, и снова, он бросал мяч, краснея от упорства, а Ацель, все так же небрежно и словно без усилий, отбивал его удары.

Эдвард рухнул на траву, сраженный усталостью. Десять подач из десяти — прахом, ни один мяч не проскользнул мимо биты Ацеля.

— Да как ты это делаешь?! — досадливо вздохнул он пришельцу.

— Не знаю... Само как-то... — Ацель задумчиво осмотрел биту, потом собственную руку и нахмурился, будто встретился взглядом с неприятелем. — Я всегда был таким?..

Его отрешенная реплика не предназначалась Эдварду, но тот, не распознав этого, воспринял её как хвастливое заявление:

— Не зазнавайся! В следующем раунде я тебя уделаю!

— Может, пойдем домой? — застонал Ацель.

— Ни за что! Я никуда не уйду, пока не обыграю тебя! И никаких поддавок!

Серьезный и злой на свои неудачи, решительный и непреклонный, - Эдвард восстал напротив, как воин в пылу сражения. Капли пота стекали с его зардевшегося гневом лба, словно кровь от ран.

— Мы могли бы продолжить нашу игру потом... — менее уверенно предложил Ацель. — В следующие выходные, например. У тебя на этой неделе последний экзамен, и будет уйма времени на... битбол.

— Бейсбол!

— И на него тоже!

— Не выйдет! — сминал мяч в вспотевшей ладони Эдвард. — Разве я тебе не сказал? Со следующих выходных я устраиваюсь на вторую подработку. - Он пульнул мяч, и тот беспрепятственно улетел в кусты. — Да! Наконец-то! Я же говорил, что хорош в этой игре!

Ликование Эдварда увяло, натолкнувшись на непробиваемый ступор Ацеля. В черных стеклах очков пришельца отражалось закатное солнце, превращая их в два раскаленных угля. За темными линзами его эмоции всегда читались с трудом, но сейчас он стал непроницаем не только в лице, но и во всем остальном.

— Ацель? Эй, ты чего? Что с тобой? Неужели так расстроился из-за поражения?

Уголки губ Ацеля дернулись в тугую линию.

— Вторая подработка, говоришь? — произнес он, и в этом тихом голосе Эдвард почувствовал разочарование.

— Да, в круглосуточном магазинчике на Ватерлоу. В ночные смены.

— Но зачем? Я думал, благодаря камню миссис Мэллоу нам хватает денег.

Эдвард прошел мимо Ацеля, чтобы достать из кустов мяч.

— Видишь ли, — присел он, шныряя рукой по земле, — я не хочу продавать брошь.

— Что?! — Ацель так резко развернулся на месте, что тяжелые каблуки его ботинок глубоко пробороzdили землю.

— По крайней мере пока! — объявил Эдвард и выпрямился, весело подкинув на ладони найденный мяч. — Брошь миссис Мэллоу безумно ценная. Продать ее и потратить все деньги на ленивое лето — звучит, конечно, заманчиво. Но для меня это кошунство. Миссис Мэллоу дорожила этой вещью. Поэтому, если я ее и продам, то для чего-то настолько же ценного, как её память о покойном отце.

Ацель сморщился, как от кислого лимона:

— Сентиментальная чепуха! — махнул он рукой. — И для чего ночная подработка? Почему не взять полный день в музыкальном магазине? А вот еще вариант получше — подыскать какое-нибудь новое дело?

— Полный день — это само собой!

— Ты что, решил заработать все деньги мира?!

Обида тенью скользнула по лицу Эдварда:

— Это всего лишь неделя! И у меня есть очень веская причина!

— Какая же? — Тон Ацеля сочился раздражением.

Эдвард замялся, словно школьник, застигнутый за шалостью.

Тогда Ацель предвзято скрестил руки и хмыкнул.

— Да ты покраснел, Эдвард! Это как-то связано с Пенни, не так ли?

— Вовсе нет... то есть... да... то есть, не совсем... В смысле... отчасти! — пролепетал тот и в конце концов сам раздраженно насупил. — Короче! — Он залез в сумку и вынул оттуда свернутую в рулон брошюру.

Ацель не удивился, он уже видел такую — буквально полчаса назад, на стенде объявлений возле главного входа в парк. Новость о концерте популярной панк-рок группы «Go-go, firtty!» попадалась на каждом углу: на остановках, в почтовых ящиках, на рекламных плакатах торговых центров. У Ацеля от изображений размазанной солистки рябило в глазах.

— Мия Донсон! — рыкнул он на осточертелый портрет. — Так и знал, что дело в ней!

— Я всю жизнь мечтал попасть на её концерт! Когда я узнал, что она с группой приезжает в наш город, сразу начал откладывать деньги на билет. К моему ужасу, когда появилась официальная цена билетов, меня чуть не хватил инфаркт... Но я никак не могу упустить такой шанс! А еще это идеальный предлог, чтобы пригласить Пенни на свидание, — добавил он, когда мечтательные звёздочки в его глазах замерзли в холодном молчании Ацеля. — Я так понимаю, игру в бейсбол мы закончили...

По дороге на Волкер-стрит они шли, не разговаривая. Дома ничего не изменилось. Ацель начисто утратил аппетит к разговорам, но не к ужину. Он обгладывал куриные кости с такой агрессией, будто не ел несколько дней.

А когда настало время идти на боковую, Эдвард не выдержал и первым нарушил безмолвие:

— Ты что, меня игнорируешь? — спросил он, встав на пути Ацеля к дивану с зубной щеткой под щекой.

— Что за глупости? — буркнул тот, скидывая его руку с прохода в гостиную.

Эдвард разрешил ему добраться до дивана, снять очки и обрушиться лицом в подушку.

— Я не понимаю, чем тебя так задевает моя подработка? У нас будет больше денег, а значит, больше еды. У тебя не должно быть причин для грусти.

Ацель перевернулся на спину, подставляя под свет люстры свою обтянутую перчаткой руку.

— Нет, правда, — негодовал Эдвард, — мне уже как-то не по себе от твоего депрессивного поведения. Я бы решил, что тебя угнетает недельное заточение, но ты ведь и так целыми днями валяешься дома... Так уж и быть, — захотел подбодрить он друга, — можешь ходить в гости к Уоткинсам и играть в приставку!

Ацель посмотрел своими слепыми глазами на собственные растопыренные пальцы.

— Это какая-то сондэсианская медитация? Что ты делаешь? — ткнул щеткой в его сторону Эдвард.

Рука Ацеля упала и свесилась с дивана на пол.

— Ты растрачиваешь свою юность на всякую ерунду... — прошептал он.

— Вовсе нет!

— Ты думаешь, что впереди тебя целая жизнь, но ведь она может оборваться в любой момент.

— О нет, у тебя снова безосновательная депрессия... — Эдвард сунул щетку в рот и стал рьяно начищать зубы.

— Половину жизни я выгрызал у смерти каждый вздох, проживая каждый день как последний.

Эдвард все медленнее и медленнее орудовал зубной щеткой, пока совсем не остановился. Ему показалось, что речь Ацеля до того трепетна, что любой посторонний шум сейчас будет святотатством.

— А сейчас я строю планы, — улыбнулся он, но как-то безотрадно.

Глядя на него, Эдварда тоже одолела легкая улыбка. Но не успел он порадоваться за друга, как на Ацеля вновь накатила тоска.

— Однако это не значит, что я не умру завтра, или послезавтра... или через неделю...

Эдвард покрылся мурашками:

— Хватит навевать жуть... Не будь таким пессимистом...

— Тебя это тоже касается! — воскликнул Ацель, тряхнув на него рукой. — Ты растрачиваешь свою юность, вместо того, чтобы ей наслаждаться. А сейчас еще и целую неделю выбрасываешь из своей жизни ради часового шоу каких-то фриков!

— Но ведь тебе тоже нравятся «Go-go, furry!»

— Мне нравятся их песни, но твоя демоническая принцесса с кошачьими ушками не вызывает во мне ничего, кроме отвращения!

— А мне мисс Донсон нравится...

— Не сомневаюсь!.. — Ацель сердито помолчал и смягчился: — Ты бы лучше учебой занялся... Видел я твои оценки...

Эдвард защищался:

— Я благополучно сдал все экзамены...

— С каких пор «удовлетворительно» — это благополучно?

— Мне только химия осталась, — пропустил юноша замечание мимо ушей.

— Да-да, твой злейший враг! — Ацель заложил руки за голову и насмешливо приподнял уголок губы:

— Но ты же pomoжешь мне?

— Я подумую.

— Ты обещал!

— Не помню такого.

— Но Ацель!

— Боюсь, — театрально вздохнул пришелец, — что для этого мне понадобится моя химическая лаборатория... но ты же запретил мне эксперименты... Эдвард закатил глаза:

— Ладно-ладно, так и быть! Можешь снова заниматься своими экспериментами, но больше никакой крови, никаких усыпляющих препаратов и мутагенных веществ.

— По рукам!

— И самое главное! — настоятельно повысил голос Эдвард. — Никаких опытов на людях!

Глава 13. Гроза

С той поры как Ацель обосновался на Земле, ночные кошмары стали навещать его реже, но это не значило, что они ушли насовсем. Достаточно было легкой тревоги, и старые раны вскрывались, заполняя сон оглушительными выстрелами лазерных пушек и лязгом автоброни.

Ацель напрочь забыл, какого цвета на самом деле сондэсианское небо, ведь все в тех далеких воспоминаниях было бесцветным, и лишь ручьи свежей крови, струившихся меж камней, пугали нестерпимо ярким, болезненно-красным контрастом.

Вспышка молнии поразила сердце Ацеля одновременно с выстрелом, прогремевшим в кошмарном сне. Она заставила Ацеля вскочить и вонзиться когтями в спинку дивана. Его грудь бешено вздымалась, пульс колотил изнутри, отдаваясь журчанием крови в ушах. Ацель оттянул прилипшую к груди мокрую рубашку пижамы и какое-то время приходил в себя, пытаясь отдышаться и собрать в кучу разбежавшиеся мысли. Когда он понял, что это всего лишь гроза, и ничто, кроме отключения электричества, ему не угрожает, его постепенно обволокло спокойствие.

Но лечь обратно под одеяло прищелец больше не смог. Это был не банальный испуг, не страх грозы — здесь было что-то еще, что-то намного страшнее резких всполохов света за окном и раскатов грома.

Балконная дверь ходила туда-сюда от ветра и мерзко поскрипывала, гоняя по полу воздух, пропитанный запахом приближающегося дождя.

Ацель насадил на нос очки, натянул перчатки и неловко поднялся. Пошатываясь, он добрел до кухонного стола, где вновь процветала в едких ничем не выветриваемых ароматах его самодельная химическая лаборатория. Не раздумывая долго, он распаковал стерильный шприц, набрал вещество, задрал рукав и всадил себе в вену иглу. Спустя секунды ему стало легче. Он облегченно оперся на столешницу.

— Честно говоря, не думал, что это действительно поможет. Надеюсь, обойдётся без побочных...

Ацель промачивал горло водой из стакана, когда ночь снова озарил холодный свет молнии. В голову прищельца тоже что-то ударило. Ему захотелось спрятаться под одеяло и не вылезать оттуда до утра, но вряд ли бы это уняло нарастающий в нем необъяснимый ужас. Ацелю казалось, что мир вот-вот взорвётся, но он не понимал, почему.

Волкер-стрит продолжала обливаться неприветливым сиянием, и в нем, всего на мгновение, будто проявилась фигура.

— Ливара?..

И хотя фигура исчезла, в своем коротком мгновении она была такой реальной, что Ацель поверил в то, что увидел. Он бросил все, накинул на пижаму плащ и вылетел во двор, где застыл, растерянно крутясь на месте.

Молния вновь рассекла тьму, с которой не справлялись городские фонари.

Не помня себя, Ацель помчался куда-то вперед, следуя за иллюзией, пока внезапно не был остановлен осознанием собственной глупости.

— Во имя трех клинков! Что я делаю? Ливары здесь нет и быть не может. Она умерла давным-давно на гребаной мертвой планете в чертовой тучи световых лет от Земли! — Он хлопнул себя по лбу и почувствовал первые капли, упавшие с туч ему в рукава. Они моментально превратились в ливень.

Ища от непогоды спасения, Ацель приглядел телефонную будку в паре метров от того места, где находился, и нырнул туда.

Дождь хлестал по стеклянной дверце. Чувствуя что прозябает от холода, пришелец рассовал руки по карманам и нащупал там несколько звонких центов. Тогда ему пришла на ум отличная идея.

Раз уж он здесь, почему бы не позвонить Эдварду? Разговор с ним убил бы время, а там, глядишь, и дождь утихнет.

На звонок Эдвард отреагировал не сразу. Он отодвинулся на своем колёсном кресле от кассы, чтобы машинально оглянуться на часы, висевшие на стене за его спиной. Кто мог звонить ему в такое время?

Может, клиент? Слухи об их с Ацелем безымянном детективном агентстве зацепили чей-то интерес?

— Слушаю.

— Эдвард! — с бодрым задором воскликнул Ацель. — Это я!

— Ацель? — узнал его по голосу тот и очень удивился. Он на секунду убрал телефон от уха, чтобы проверить номер на экране, и приложил его обратно. — Ты что, звонишь мне с уличного телефона?

— Ага!

— В три часа ночи?

— Агась.

Эдвард посмотрел на камеры, где тротуары блестели лужами. Дождь тарабанил по крыше так громко, будто прямо внутри магазина.

— В такой ливень?

— Да, мне не спалось, решил прогуляться.

— Ацель, что ты натворил? — встревожился Эдвард, сдвинув хмурыми бровями переносицу.

— Почему сразу что-то натворил? — сделал обиженный тон пришелец. — У меня нет телефона, чтобы тебе позвонить. Может, я переживал? Все-таки это твой первый день на новом рабочем месте, да еще и в ночную смену...

— Мм... — заулыбался Эдвард, но виду не подал. — Я тебе не верю.

— Вот такого ты обо мне мнения!

— Чтобы просто поговорить со мной, ты мок под дождем?

— Сказал же, что переживал за тебя. Места себе не находил!

Эдвард не выдержал и рассмеялся:

— Переживай за меня, если хочешь, но не во вред себе, — ответил он пришельцу его же цитатой.

— Где-то я это уже слышал...

Эдвард похихикал, после чего бесстрастно проговорил:

— Это все, конечно, мило с твоей стороны, Ацель, но о чем мы с тобой договаривались?

Ацель понурился и вздохнул:

— Да-да, чтобы я не шлялся, где ни попадя, пока тебя нет...

— Именно. Поэтому, будь добр — иди домой.

— И даже не расскажешь, как у тебя дела? — не дал Ацель возможности завершить звонок.

Эдвард обвел взглядом ряды прилавков с продуктами и признался:

— Честно сказать, довольно уныло. За то время, что я здесь, у меня был всего один покупатель.

— Так это же здорово? Меньше людишек, меньше проблем!

— Так-то оно так... — протянул Эдвард, пробарабанив по столу пальцами. — Но я тут скоро от скуки загнусь. Я пытался читать книгу, но из-за плохого освещения у меня заболели глаза. Я потратил пять фунтов на какие-то несъедобные конфеты и газировку, просто потому

что мне пригляделась их упаковка, и теперь у меня мутит живот. Я поспал полчаса и проснулся от того, что с прилавка упала пачка чипсов! А еще у меня болит спина от сидения на этом отвратительно-неудобном, — поерзал Эдвард на месте, — стуле! А завязки от этого дурацкого фартука натирают мне шею!

— Что ж, — хмыкнул Ацель безжалостно, — ты всегда можешь уволиться!

— И это вся твоя поддержка?

— А что ты хочешь, чтобы я сказал? Какой ты бедный и несчастный? Тебя никто не заставлял идти работать продавцом. Кто тебе виноват, что ты мазохист?

— Да ну тебя, друг называется... — тихо заворчал Эдвард. — Все, Ацель, у меня покупатель.

— Неправда.

— Откуда ты знаешь? — И Эдвард отключился.

Ацель дослушал гудки и тоже повесил трубку:

— Вот и поговорили...

Не то чтобы Ацель остался сильно разочарованным. Он вдоль и поперек изучил натуру Эдварда и не чувствовал, что сейчас они всерьез повздорили. Временные неурядицы были присущи их отношениям, но оно и понятно — с их-то разницей характеров! Поразительно, как они вообще сошлись!

Тучи все летели и летели с Уиллоубрука, непроглядными черными валами заволакивая небо, и не видать было этой непогоде конца! Ацелю так надоело мерзнуть, что он уже был готов выйти снова под дождь, чтобы скорее добежать до дома, переодеться в сухое и закончить эту ночную пытку!

С огнями и сигналами по дороге пронеслись полицейские машины. Благодаря общению с Эдвардом, тревожность Ацеля немного прошла, но теперь она возвращалась.

Правоохранительные органы Ацель не любил, но не так, как не любят, допустим, рыбу! Его нелюбовь дорастала до необъятных размеров и приобрела форму ужаса. От одного звука полицейских сирен у него дергался нерв в глазу.

Премьер-министр Энтони Хопкинс, не так давно победивший в выборах, успел здорово выделиться своей ксенофобной политикой. И как бы местные штаты полиции не сопротивлялись, ссылаясь на то, что в конституции страны не прописаны законы о порядке действий на случай вторжения инопланетян, — в конце концов их волю сломили: легко, как хворостинку!

Так и получалось, что военно-научный комитет по проблемам из космоса, которым когда-то руководил офицер Фицман, занимался охраной территории Великобритании от нападков НЛО. А полицейские органы, подмятые под привилегированную власть оных, — мониторингом его населения. Ведь, как вещал с телевизоров мистер Хопкинс — «нельзя исключать, что после события от тринадцатого июня на Земле не остались вторженцы!» Его речи напугали большинство стран, так, что на выезде из Великобритании были ужесточены меры контроля. Все для того, чтобы «не распространить инопланетную заразу по планете». Паранойя, да и только! Да вот весьма опасная для Ацеля. Потому-то Эдвард твердил ему не показываться лишней раз на глаза другим людям.

Мир Ацеля заканчивался в квартире дома на Волкер-стрит, а то, что выходило за его пределы — минное поле. Но Ацель не унывал, он был счастлив иметь и этот маленький кусочек жизни, этот теплый островок, где впервые за годы своего долгого существования ему разрешилось быть собой.

Ацель не планировал проверять, куда так торопились полицейские машины, но, когда за ними следом начали выплывать из квартир возбужденные люди под зонтами, его тоже одолело страшное любопытство. И страшным оно было во всех имеющихся смыслах.

Труп, неизвестно как появившийся на трамвайных путях, собрал вокруг себя плотную толпу.

Темнокожая женщина лежала на спине, омытая кровью, при этом на лице ее не было ни пятнышка. Одежда погибшей отличалась сдержанностью: простое серое платье под строгий черный пиджак, бежевые колготки, туфли на небольшой шпильке. Возле нее разбухла от воды вместительная женская сумка, на которую первым делом и положили глаз криминалисты.

Они пытались разогнать народ, но тот вновь и вновь набегал, жадный до зрелища. Машины охотников за скандальными новостями также были на подходе и едва не сбили идущего к толпе Ацеля.

На Волкер-стрит вдруг стало так шумно и светло, что гроза потеряла свое величие, уступив возбужденным голосам и вспышкам фотоаппаратов.

Когда Ацель увидел труп, страшные воспоминания захлестнули его, как поток обвалившейся плотины. Первые секунды ему и вовсе мерещилась совсем другая девушка, тоже с бронзовым лицом и тоже мертвая. Взгляд обоих был один в один, в нём застыл вопрос: «За что?»

Ацель сдавил пальцами лоб, борясь с чувством вины. Он столько лет вел с ним безуспешный бой, а сейчас и вовсе ощущал себя жалким и немощным, не способным сопротивляться.

Ему показалось, что его внутренний голос посмеялся без его ведома, но потом до него дошло — это не он, ему ни капли не смешно ни в едином уголке души, сердца или разума. Кто еще, кроме него, обитает внутри его тела, кто смеется над ним? Ацель догадался, что это — паразит, тот мерзкий плазмод, по ошибке вселившийся в него. Он пользуется его минутной слабостью, чтобы подать голос.

— Хватит! — Ацель грохнул себя в грудь кулаком, обратив в свою сторону часть толпы. — Я же вколол лекарство! Ты должен был уснуть!

Кое-как совладав с собой, Ацель смог вздохнуть. Люди вскоре поняли, что с ним все нормально и нового мертвеца на Волкер-стрит не предвидится, и забыли о нем и его припадке.

Все, кроме одной из небезучастных дам в бархатной шляпке. Ей как раз повезло стоять ближе всех к Ацелю. Она дождалась, когда его приступ прошел, и сказала:

— Первый раз видите труп? — Женщина решила, что стала свидетелем панической атаки.

Ацель неприветливо ссутулился.

— Не волнуйтесь, она заслужила это, — бездушно продолжала дама, уже не глядя на пришельца. Она заговорила с ним не по зову жалостливой души — просто хотела извергнуть на кого-нибудь свои желчные мысли. Недомогающий Ацель идеально подошел на роль пассивного слушателя.

— Чем же? — был обескуражен ее заявлением пришелец.

— Это Джулия Мэдисон, известный журналист из "Daily-journal". Неужели не узнали? Лицо Ацеля смялось от неприязни.

— Быть журналистом нынче грех? — огрызнулся он.

Но женщина не приняла его тон близко к сердцу и по-прежнему была бессовестно холодна.

— Да, — покрутила она зонтик в руке, — если ты Джулия Мэдисон... Она из тех чудаков, что выступают в защиту инопланетян. Прочитайте ее последнюю статью и поймете, о чем я. Видать доигралась, бедняжка! — И женщина издевательски усмехнулась.

— Думаете, ее убили за то, что она не поддерживала политические взгляды мистера Хопкинса?

— А за что же еще? Это естественно. Слышали бы вы, как она отзывалась о власти! Ладно, ее глупые идеи о «налаживании отношений с другими разумными расами», но выставить народ, к которому сама принадлежишь, идиотами, — это уже, простите, перебор! Поэтому я рада, что ее убили как собаку. Собаке собачья смерть.

Кулаки Ацеля стали тверже кирпичей.

— И всех подобных ей в конечном итоге ждет такая же участь. Поверьте мне, оплакивать их никто не будет.

— Получается, эту женщину... убили за то, что она желала мира?..

Собеседница наконец-то удостоила Ацеля взглядом, и любопытство в нем перекрывалось претензией:

— А вы что же, фанат инопланетян?

Ацелю хотелось треснуть эту даму по лицу и забить ее грязный рот землей, но он не мог сделать это, не попав в неприятности.

— Почему же... — хрипел он яростью, — я до смерти их ненавижу. Терпеть не могу. Почему из-за них обязаны страдать хорошие добрые люди? Почему, — дрогнула в его голосе слезливая нота, — они должны подвергать себя опасности?..

Женщина растолковала его реплику в свою пользу и согласно кивнула.

Она немного отошла, чтобы найти лучшую точку обзора, ведь перед толпой разворачивалось впечатляющее событие — труп поднимали на носилки.

Глава 14. Круглосуточный магазин

После ночного звонка Ацеля Эдвард сидел хмурый, как грозовая туча, и бесшумно бесился. Сотрясать воздух возмущениями нет смысла - все равно их никто не услышит. Вот и приходилось держать раздражение за зубами и лишь бурчать изредка:

— Да что он смыслит о человеческой жизни?...

Эдвард изменил выражение лица от звука, с каким распахнулась дверь. Он уже и не ожидал, что кто-то явится в магазин, поэтому вскочил, как невыучивший уроки школьник:

— Добро пожаловать!

В магазин вошел мужчина лет тридцати, облаченный в потертую коричневую кожанку и узкие джинсы, подчеркивавшие его неровную походку. Ничем не примечательный серый человек из толпы. Но его взгляд... он сверкал, словно лезвие клинка в бою. Под его тяжестью Эдвард медленно вернулся в кресло. Незнакомец выглядел, как человек, для которого любое неверное слово или жест могли стать искрой для его гнева. Кажется, приветствие уже омрачило его визит, так как к прилавкам он пошел, зло слепив губы и выпятив подбородок.

Покупатель дотошно изучал товар, словно выискивал изъян, но так ничего и не выбрал. А еще он как-то профессионально избегал камер наблюдения, разбросанных по магазину...

Как добросовестный продавец Эдвард не спускал с него глаз.

Он насторожился, когда мужчина повернулся спиной к камере так, что виднелась одна его куртка.

Эдвард нутром чуял: перед ним матерый вор, вынашивающий дерзкий план. Чтобы уберечь магазин от убытков и избежать штрафов, Эдвард тихо покинул свое место у кассы и, стараясь ступать на цыпочках, стал красться следом за подозрительным типом.

С каждым его шагом напряжение в магазине сгущалось, словно воздух перед грозой. Покупатель лениво фланировал меж стеллажей, с деланным интересом разглядывая товары. Но Эдвард видел предательскую дрожь его хищных пальцев, нервный тик в уголке губ.

Мужчина замер у полки, где продавались закуски. Затаившись за стеллажом с журналами, Эдвард наблюдал, как он, оглянувшись и убедившись в отсутствии свидетелей, ловким движением прячет одну из упаковок в карман куртки. Его рука ужехватила за второй товар, но Эдвард своевременно вышел из своего укрытия и вежливо, но строго, остановил его:

— Прошу прощения, сэр, но мне показалось, вы что-то взяли и спрятали в карман.

Вор обернулся, лицо его исказила злоба. В глазах кольнул тот самый обжигающий лед, что посадил Эдварда на кресло. Но отсиживаться и ждать, пока свершится преступление, потому что его обезоружил страх, юноша не намеревался. Не смягчился он, даже когда вор угрожающим шагом двинул к нему.

— Ты смеешь обвинять меня в воровстве? Ты ничего не перепутал, малец?

Вор скользнул вперед, сокращая дистанцию.

— Послушай, парень, — прошипел он, — ты нарвался не на того. Не испытывай мое терпение. Забудь, что видел, и проваливай к своей кассе.

Эдвард покачал головой. Отступать было нельзя, даже если каждая клеточка тела вопила об этом. Дело было не в жалкой рыбной закуске. Дело в принципе. В том, что нельзя давать злу ни единого шанса. В том, что каждый должен сеять зерна добра, чтобы мир стал хоть чуточку светлее.

— Я не могу этого сделать, — твердо произнес он. — Верните украденное, и мы забудем об этом инциденте. Иначе я вызову полицию.

Вор фыркнул презрением:

— Полицию? Ты думаешь, я испугаюсь твоих угроз?

Он был жилистый, как гончая что вот-вот сорвется с цепи. Потому Эдвард ожидал, что рано или поздно услышит этот утробный рык.

Все произошло в мгновение ока. Эдвард лишь почувствовал, как спиной уперся в полку с консервами, а в голове промелькнула мысль: «Зачем я вообще в это ввязался?»

— Камеры все пишут. Тебя найдут и арестуют, чем бы это ни закончилось.

Эдвард понимал, что физически он слабее вора, но моральная правота давала ему силы.

— Ты просто наивный мальчишка, возомнивший себя вершителем справедливости. Вообще-то... — Вор хищно растянул губы. — Мы в слепой зоне. Тоже мне, продавец! Даже не помнишь, где у тебя камеры! — И он выхватил из кармана складной нож, чья сталь зловеще отразилась в серых глазах Эдварда. — Сейчас я покажу тебе, что бывает с теми, кто сует свой нос не в свое дело.

Кровь отхлынула от лица. Паника — вот он главный враг. Нужно выиграть время, найти хоть какую-то лазейку.

— Послушай, — начал Эдвард, стараясь звучать спокойно и убедительно, — я не хочу неприятностей. Просто верни закуску. Может, ты голоден? Я могу купить тебе что-нибудь поесть.

— Ты придурок?

Благодаря ударившему в кровь адреналину, Эдвард уклонился от ножа, сам удивившись своей реакции. Как итог, лезвие лишь слегка чиркнуло по рукаву водолазки.

Воодушевленный, Эдвард попытался выбить наметившийся на него нож, но не справился! Вместо этого вор поймал его за запястье и начал сжимать, словно собираясь переломить кость.

— Черт!

Эдвард вскрикнул от боли, но не отказался от попыток внушить преступнику мораль.

— В Станвелле есть замечательный частный сыщик, который найдет тебя, даже если ты сотрешь все улики. Подумай дважды, прежде чем меня убивать.

— Я не стану тебя убивать. Хватит и того, что я отрежу тебе язык!

Сквозь заставленные прилавками ряды до Эдварда и прижавшего его к полке мерзавца донесся девичий возглас:

— Это что тут такое?! А ну, отпусти его!

Вор ослабил хватку, и Эдвард, воспользовавшись случаем, отпрянул — уже не так красиво, как в первый раз.

— Ты еще кто такая?

Мимо стеллажей с журналами и канцелярскими товарами к ним шагала девушка. Как и Ацель, она скрывала взгляд за темными очками. Шоколадные пряди волос ниспадали до ремня, увешанного цепочками и украшенного массивной серебристой пряжкой. Кожаные лосины под красной клетчатой юбкой в шотландском стиле плавно переходили в грубые ботинки, своей подошвой отдаленно напоминающие те, что носил Ацель. Безразмерная джинсовая куртка, накинутая поверх вызывающего черного топа, открывала стройный живот и худые ключицы. Кем бы ни была эта девушка, она точно знала себе цену!

— Не-а, — раскатисто рассмеялась она на вопрос, и было в ее смехе что-то зловещее, — не угадал, милый, я обычная покупательница! Но если продолжишь в том же духе, я могу стать твоей путевкой в реанимацию.

— Ты шутишь? Чтобы мне надавала какая-то баба? — оглушительно захохотал развеселившийся вор.

Эдварду даже пришлось заткнуть уши — до того мерзки были эти звуки.

— Мисс, вам лучше уйти, вы не понимаете... — вмешался он, пока не поздно.

— Я все прекрасно понимаю! Какой-то говнюк посреди ночи решил ограбить магазин. И нашел с кем справиться! С ребенком! Такие мрази, как ты, — девушка угрожающе надвинула

кепку с эмблемой ливерпульской футбольной команды на густую челку, и улыбка пропала с ее лица, — любят нападать на тех, кто слабее.

— Вот спасибо, — со смиренным унынием пробормотал Эдвард.

— Будь я двухметровым громилой, ты бы уже драпал, только пятки бы и сверкали. А сейчас я просто разожгла твой азарт, так ведь? Что может быть проще, чем отделать девчонку? Ну давай же, выродок, покажи, на что ты способен! Попробуй самоутвердиться за счет меня, чтобы перестать чувствовать себя ничтожеством, не способным ни на что, кроме мелких краж! Решил жить воровской жизнью? Так хотя бы замахнись на добычу покрупнее, чем закуска к пиву, жалкий ты паразит!

Вор не стерпел такой наглости. Ярость свернулась в его сердце, отравляя последние частицы разума, что еще водились в его дурной голове. Он бросился на девушку в намерении стереть с ее лица эту всевластную ухмылку. Но та, легко и грациозно, как дикая кошка, перехватила кулаки и ударом колена в живот с хрипом вырвала воздух из груди нападавшего.

— Я предупреждала, — прошипела она, скручивая мужчину, и затем с силой, достойной военного, поставила его на колени. Тяжелый берц отпечатал грязный след на кожаной куртке — позорное клеймо поражения.

— Понял! Понял! — закивал вор, как китайский болванчик — готовый на все, лишь бы закончить эту боль.

— И чтоб духу твоего здесь больше не было!

Девушка убрала ногу с его поясницы, и он, словно сломанная заводная игрушка, кубарем покатился прочь.

— Беги! Беги! И никогда не возвращайся! — прокричала она ему вдогонку.

Эдвард вздрогнул от ее хохота.

— Эм, это же из «Короля Льва»? — вдруг понял он.

— Да, — задорно отозвалась девушка. — Оттуда! Всегда мечтала это сказать!

Она посвятила Эдварду продолжительную улыбку, в которой таилось предвкушение чего-то, заставляя того осознать, что он еще не отблагодарил свою загадочную спасительницу.

— Спасибо, вы меня спасли! — Эдвард изо всех сил пытался источать признательность, ведь появление девушки здесь — настоящая удача! Но досада на себя была слишком велика, и в конце его фразы прорвался тробкий вздох.

— Ты чего? Что-то болит?

Забота незнакомки была трогательной, но Эдварда она только засмущала.

— Болит моя гордость, — снова вздохнул он. — Меня спасла... девчонка!

Его высказывание девушке не понравилось.

— Во-первых, какая я тебе девчонка? Я намного старше тебя! — Она по-свойски оперлась рукой о плечо Эдварда и таинственно прошептала: — Ты же не из тех парней, которые считают, что женщинам место на кухне?

— Что? — Эдварда скрипел под тяжестью ее руки.

— Ты сексист?!

— Что? Нет!

Вмиг преобразившись, девушка вновь засияла улыбкой:

— Вот и отлично! Тогда будем друзьями! Как тебя зовут?

Она наконец убрала руку, и Эдвард смог свободно вздохнуть.

— Эд... Эдвард, — представился он.

— Чудесное имя! Ты мне нравишься, Эдвард. Ты такой... милашка!

Девушка умиленно хихикнула, а Эдвард почувствовал себя каким-то потерянным котенком. Пока его не начали гладить по голове, он спросил в ответ:

— А как ваше имя?

Девушка на мгновение задумалась.

– Анжелика! Пусть я буду зваться Анжеликой.

Эдвард догадался, что она придумала это имя только что, но промолчал.

Насвистывая мелодию, показавшуюся Эдварду знакомой, Анжелика отправилась гулять между прилавков. Он невзначай подсматривал за ней, но не потому, что не доверял. Его охватывало чувство, будто у него перед глазами стоит кто-то другой.

– Ха, кажется, я понял, кого она мне напоминает, – сказал он сам себе.

Анжелика, видимо, была обладательницей прекрасного слуха, потому как комментарий о себе не пропустила:

– Я напоминаю тебе кого-то? – почему-то встревожилась она, выскочив из-за полки, как чертик из табакерки, и заставив сердце Эдварда ухнуть в живот.

– А-а, да нет, не обращайтесь внимания!

– Нет-нет-нет! Я хочу знать! Скажи же? – Девушка перекинула волосы на грудь, будто позируя.

– Вы просто немного напомнили мне моего друга. Он тоже эээ... любит подобный стиль, – оценил Эдвард ее очки и ботинки, – и-ии...

Хм. Ну не говорить же ей, что: «Мой друг такой же эксцентричный чудак, как вы». Это могло прозвучать обидно. Поэтому Эдвард пропустил данный пункт и сказал то, что, по его мнению, могло быть хорошим комплиментом:

– И еще он также хорош в рукопашном бою, как и вы, мисс Анжелика.

– Мне уже нравится твой друг! Мы правда с ним так похожи?

Эдвард поразмыслил:

– Но он не такой весельчак, как вы! На самом деле он тот еще зануда и бездельник с депрессией через день...

Анжелика со смехом скакнула к кассе:

– Вот как! Звучит как заноза в заднице!

– Так оно и есть...

– Ну что, пробьешь мой товар?

Эдвард занял свое кресло.

– И это все? – удивился он, когда перед ним шлепнулась тоненькая книжонка в мягкой обложке. Посредственная литература, сборная солянка из псевдофактов и сомнительных теорий о «Боге бездомных» и пришельцах, носившая высокопарное название: «Новые легенды Станвелла. Бог, рождённый на задворках Великобритании». Эти книжки, едва ли ушедшие дальше брошюр с назойливой рекламой, печатались миллионными тиражами для туристов. Для них в каждом магазине был выделен целый стенд, и у местных жителей они успели набить оскомину.

– Нет, почему же, еще жвачка! – И движением, каким азартные игроки делают ставки, Анжелика добавила к покупке жевательную пластинку.

– Вы не здешняя? – выдвинул предположение Эдвард.

– Ого, а ты проницательный малый, – восхитилась девушка, сев на край кассы и не видя в этом ничего предосудительного.

– Просто эти книжки покупают только туристы. Откуда вы?

– Из Лондона!

– Вы приехали в Станвелл из-за историй про инопланетян?

– Что-то вроде того. У меня здесь работа.

– Вы журналистка?

– Неа, просто любопытная.

Эдвард услужливо положил книжку и жвачку в бумажный пакет и передал Анжелике.

– Отлично! Сколько с меня?

– Нисколько, – улыбнулся Эдвард, – вы спасли меня, это моя благодарность вам.

– Если жители Станвелла все такие, как ты, то я люблю этот город! – Анжелика задушила Эдварда в объятиях и спрыгнула с кассы. Прихватив пакет, она побежала на выход, оборачиваясь на бегу: – Большое спасибо! Еще увидимся, Эдвард!

Глава 15. Хорошие случайности

До магазина от Волкер-стрит на автобусе всего пять минут. Но Эдварду, не знавшему в эту ночь сна, они показались вечностью.

Домой он возвращался, когда перевалило за восьмой час. После дождя улица дышала не летней прохладой, и земля расползлась по асфальту студенистыми лужами, которые не обойдешь, как ни старайся! Мечты о горячем чае и теплой постели, в чьих объятиях Эдвард планировал провести весь день, гнали его до квартиры, как ветер заблудший в океане фрегат. Возможно, Ацель был не так уж и далек от истины, когда называл его мазохистом. Суббота–воскресенье — выходные в музыкальном магазине. С понедельника будет не до утренней неги в постели. Потянет ли он две работы?

— Держись, Эдвард, все ради Пенни и Мии Донсон! — подбадривал он себя, утыкая грязные кеды в угол, к двери, подальше от прохода. — А ведь я только на прошлой неделе их мыл...

Первым делом следует поставить чайник! Иначе грозит перспектива уснуть голодным. Ведь, как это обычно бывает, стоит только присесть — и больше не встанешь.

Приглушённый шум телевизора привлек Эдварда, и вместо кухни он свернул в гостиную.

— Ацель? Ты уже проснулся? — плюхнулся он к нему на край дивана.

— Я и не ложился...

— Что ты делаешь?

Ацель сидел рядом, но будто был не здесь. Опухшими глазами, нездоровую красноту которых не могли замаскировать даже очки, он таращился в книгу, где меж страниц был вложен лист бумаги.

Эдвард не сразу заметил этот нюанс, и просто думал, что его друг увлекся чтением... «Хронология истории Великобритании?» Это же надо с таким упоением читать учебник! И что его там так заинтересовало?

Заглянув прищельцу за плечо, Эдвард спросил с еще более жгучим любопытством:

— Что ты пишешь? Что это за схемы?

Ацель зафиксировал ручку за ухом, как настоящий офисный клерк, и сдал записи Эдварду, словно тот был его начальником, не прекращающим требовать отчет!

Эдвард, конечно, изучил написанное, но ничегошеньки не разобрал.

— Прости, Ацель, но я не понимаю твои каракули.

Ацель на секунду задержал дыхание так, что Эдвард приготовился к чему-то важному, но вместо объяснений пришелец громко чихнул и высморкался в платок.

— Боже, да у тебя жар! — приложил Эдвард ладонь к его раскаленному лбу. — О чем ты думал, выходя на прогулку в дождь? Я не буду тебя лечить! — разгорячился он и сам покраснелся — от возмущения. — Даже не надейся! Откуда мне знать, какие лекарства можно сондэсианцу, а какие нельзя?

— Во имя трех клинков, Эдвард, помолчи, мешаешь думать...

— О чем можно думать с температурой?

— Об убийстве!

Эдвард некоторое время не знал, что и сказать.

— Ты что, бредишь? Каком убийстве?

— Ты не читал новости? Взгляни. — Ацель защелкал по кнопке завалявшегося у него в ногах пульта, прибавляя громкость на телевизоре.

«...Убитой оказалась Джулия Мэдисон, известный журналист, долгие годы работавшая на „Daily-journal“. Сегодня ночью ее труп был обнаружен на трамвайных путях. След-

ствие осложняет отсутствие записей видеонаблюдения, камеры на Честрефилд-авеню, 81 находились в нерабочем состоянии...»

— Честрефилд-авеню? — воскликнул Эдвард и вцепился ногтями в диван. — Это же совсем рядом!

— Ага...

— В автобусе какие-то типы бормотали о смерти женщины, но я... я и подумать не мог...

— Слушай дальше! — приставил палец к губам Ацель, и Эдвард снова приковал взор к экрану.

«...Согласно заключению судмедэкспертов, смерть наступила в результате внутреннего кровотечения, вызванного разрывом сонной артерии...»

— Джулия Мэдисон... — задумчиво рассматривал выведенное крупным планом фото убитой. — Это не та ли журналистка, которая раскритиковала последнее интервью премьер-министра?

— Да, она.

— Многие пророчили ей тюрьму... Но чтобы так... Видимо, у кого-то сдали нервы, и они решили расквитаться с ней сами. Противников инопланетян развелось как крыс. Помнишь ту секту ксенофобов под руководством Барри Бакстера, что устраивала протесты по всему городу? Их тогда поддерживали политики, позволили им выступать на парламентской площади. А ведь они были отбросами, уродующими Станвелл граффити! Не верится... Неужели им это сойдет с рук?

— Уже сошло.

Мрачная реплика Ацеля натянула нервы Эдварда так, что его сердце едва не разорвалось, когда в дверь квартиры постучали.

— Я пойду открою...

— О, нет, — застонал пришелец, услышав с порога голоса.

К Ацелю мчалась, махая газетой, миссис Уоткинс. Сегодня на главной моднице Станвелла были укороченные синие штаны на подтяжках и шерстяная рубашка. К счастью, глаза Ацеля этого не видели, потому что он своевременно снял очки. От запаха парфюма сегодня его защищала простуда. Жаль, что он не мог сделать главного — оглохнуть! Больному полагаются покой и тишина, что явно не олицетворяла собою эта женщина.

Следом, в личном сопровождении Эдварда, в комнату вошла, как сама скромность, мисс Пенни. Ацель узнал ее по звукам запинаящегося Эдварда. На девушке сидело несменяемое платье в горошек, а сверху, для тепла — бейсбольная кофта, сшитая не для маленьких женских плеч. Сердце и очи Эдварда, тем не менее, Пенни смогла поразить и в таком неброском наряде.

— Вы читали утреннюю газету?

Эдвард забрал у миссис Уоткинс сверток, пока она не отлупила им Ацеля, и развернул его, примерно соображая, по поводу чего весь этот переполох.

Естественно, новость об убийстве журналистки занимала главный заголовок, но не с тем содержанием, какое могло прийти на ум. В нем не значилось ничего про политический сговор, ксенофобию и сектантов. На обложке бросалась в глаза фотография с места убийства — трамвайные пути, обнесенные желтыми лентами, полицейские машины и труп, где замечательно было видно лицо мисс Мэдисон — без единой царапины, издевательски четкое и чистое.

— Что это такое? — у Эдварда задрожали колени, и он присел на диван.

— «Вторая жертва инопланетян», — был выделен жирным шрифтом заголовок. — Джулия Мэдисон, выступающая за мирный союз с внеземными расами, была жестоко растерзана сегодня ночью космическим чудовищем.

Ацель оживился, надел очки и вырвал газету:

— Так и знал! — зашипел он почти по-змеиному, хотя на нем и была маскировка.

— Я нашла фото без цензуры, — показала миссис Уоткинс ему свой телефон.

Все та же фотография. На жертве от горла и вниз расплзлось с десяток темных полос — следов когтей.

— Фото было несложно найти. Просто забиваешь «убийство в Станвелле» в поисковик, и — вуаля! — десятки ссылок!

Эдвард не смог долго разглядывать снимок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.